

36-я годовщина взятія Ташкента.

15-го іюня текущаго 1901 года въ Ташкентѣ торжественно праздновалась 36-я годовщина взятія города штурмомъ нашимъ отрядомъ подъ начальствомъ генерала Михаила Григорьевича Черняева.

Какъ русскимъ духомъ могучимъ, беззавѣтно-храбрымъ запечатлѣно взятіе города горстью нашихъ воиновъ, такъ и торжество 36-ой годов-

¹⁾ Кормчій, 1900 г. № 38.

шины носило то же русскій характеръ, только въ другомъ проявленіи именно—церковно-религіозномъ.

Утромъ рано въ военномъ Спасо-Преображенскомъ соборѣ, при массѣ богомольцевъ, была совершена заупокойная литургія по бояринѣ Михаилѣ (Черняевѣ), протоіерей Андреѣ (Маловѣ) и всѣмъ воинамъ, 36 лѣтъ назадъ въ этотъ день положившимъ жизнь свою во славу русскаго имени. Послѣ нея изъ собора и изъ Іосифо-Георгіевской (бывшей первой военной) церкви выступилъ крестный ходъ, по направленію къ братской могилѣ павшихъ при взятіи Ташкента воиновъ, сопровождаемый помощникомъ командующаго войсками, генералъ-лейтенантомъ Маціевскимъ, начальникомъ штаба генералъ-лейтенантомъ Сахаровымъ, старѣйшими представителями отъ войскъ, чиновъ гражданскаго городского управленія, и массой горожанъ. Изъ духовенства въ крестномъ ходѣ участвовали благочинные и священники военные и епархіальные. До братской могилы отъ 3 до 4-хъ верстъ; дорога туземная—узкая и идетъ по улицамъ, названія коихъ тоже туземныя ¹⁾, такъ мало говорящія русскому уху: Арпапаянская, Камеланская, Бичъ-агачская, Шейхаитаурская, или Шахрисябская, Ангарская и т. п..

Это районъ стараго города, что видно и по обитателямъ, массою высыпавшихъ въ пестрыхъ халатахъ и на улицахъ и на крышахъ своихъ незатѣйливыхъ хижинъ, чтобы поглазѣть на рѣдкое торжественное зрѣлище. Церковныя знамена, духовенство въ блестящихъ облаченіяхъ, красивая кавалькада генераловъ и офицеровъ, густая сверкающая щетина стальныхъ штыковъ и казачьихъ пикъ, все это представляло эффектную картину; и на всемъ былъ отпечатокъ какой-то особенной важности и степенности, соответствующія воспоминаемому событію. Торжеству благопріятствовала и погода, не знойная и удушливая, какъ всегда прежде, а чудная прохладная. На небѣ легкія свѣтлыя облачки осѣняли участниковъ, лишь на время позволяя ясному жгучему солнышку заглянуть на торжество и блеснуть на позлащенныхъ хоругвахъ и серебряныхъ ризахъ иконъ.

Благодаря обильно выпавшимъ дождямъ, облаковъ пыли на улицахъ стараго стотысячнаго города и въ поминѣ не было.

Около 9 часовъ процессія прибыла на братское кладбище. Кладбище

¹⁾ Есть и Чернаевская, въ память героя Черняева.

это представляет изъ себя площадь менѣ десятины; съ одной стороны его деревянная ограда, съ трехъ — стѣны туземнаго типа — глинобитныя. По срединѣ — каменная часовенка — на мѣстѣ общей братской могилы.

Содержится и охраняется кладбище городомъ въ большемъ порядкѣ; по всему насажены тополи, проведены оросительныя канавки (арыки), расчищены дорожки и проч.

Предъ часовней на сей день былъ устроенъ наметъ, съ коврами внизу, зеленью, цвѣтами и флагами вверху.

Здѣсь-же были выстроены части войскъ и ветераны — участники штурма — сѣдые согбенные старцы, но выглядѣвшіе бодро въ этотъ день, въ большинствѣ украшенные почетными бѣлыми крестиками. Здѣсь была отслужена панихида; при пѣніи «со святыми упокой» и «вѣчная память» всѣ присутствующіе благоговѣйно опустили на колѣни на ту самую землю, которая 36 лѣтъ назадъ была орошена пролитую за други своя кровью воиновъ, здѣсь убитыхъ и погребенныхъ. Подвигъ ихъ записанъ на скрижаляхъ исторіи, а имена на чугунной доскѣ въ часовнѣ и особомъ свѣдѣніи, хранящемся въ соборѣ.

Побѣдно, оглушительно прогремѣли надъ ихъ могилой три дружные оружейные залпа — послѣдняя воинская честь, возданная живыми товарищами умершимъ.

При звукахъ «Коль славенъ» крестный ходъ вышелъ изъ ограды и направился къ домику генерала Черняева, а помощникъ командующаго войсками, въ краткой рѣчи указавъ на значеніе настоящаго торжества, провозгласилъ Верховному Вождю русскаго воинства Его Величеству, Государю Императору «ура», громогласно, подъ звуки народнаго гимна, подхваченное войсками и всѣми присутствующими.

Пропустивъ мимо себя бывшія на торжествѣ войска, Его Превосходительство обошелъ выстроившихся въ рядъ ветерановъ — участниковъ славнаго штурма Ташкента, спрашивалъ ихъ о прежней службѣ, о дѣлахъ за которыя они получили знаки отличія военнаго ордена. Нужно было видѣть, какъ загорались глаза старыхъ воиновъ, при воспоминаніи о давно минувшихъ боевыхъ дняхъ; на мгновеніе сѣдые старки эти дѣлались вновь тѣми молодцами, которые когда-то съ крикомъ ура, бросались на врага въ десятеро сильнѣйшаго. Мало, всего лишь нѣсколько человекъ, осталось этихъ героевъ. Одни изъ нихъ послѣ тяжелыхъ трудовъ давно обрѣли вѣчный покой, другіе въ послѣднее время, а нѣкоторые, исполнивъ свой

долгъ, разсѣялись по разнымъ мѣстамъ обширнаго отечества; наконецъ есть такіе, которые жалѣютъ, что тутъ не померли, давно желаютъ умереть, но смерть все не приходитъ, чтобы прекратить болѣзненную жизнь.

Отъ города было приготовлено для старыхъ воиновъ угощеніе; поднявъ со стола чарку генераль-лейтенантъ Маціевскій провозгласилъ тостъ за здоровье ветерановъ и пожелалъ имъ еще много лѣтъ собираться вмѣстѣ на эту годовщину.

По прибытіи крестнаго хода къ домику Черняева здѣсь была отслужена панихида по бояринѣ Михаилѣ.

1-й генераль-губернаторскій домъ — это глинобитная хижина, саж. 3×4, низенькая, съ маленькими оконцами, съ земляной крышей и поломъ; надъ дверью доска съ надписью ¹⁾).

Теперь блюдетъ какъ историческій памятникъ. Кругомъ нея разведенъ прекрасный садикъ, обнесенный проволоочной оградой. Здѣсь со дня кончины генерала Черняева, главнаго виновника воспоминаемаго событія, ежегодно, сразу послѣ общей панихиды на братскомъ кладбищѣ, служится отдѣльная панихида по бояринѣ Михаилѣ.

По возвращеніи въ соборъ была отслужена еще панихида по одному дѣятельномъ участникѣ торжества—это протоіереѣ Андреѣ Маловѣ.

Священникъ А. Богословскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Содержаніе. Рескриптъ на имя О. Протопресвитера.—Награды по вѣд. О. Протопресвитера.—Вѣдомость за 1901 г. о приходѣ, расходѣ и остат. денежн. суммъ, поступ. въ Духовн. Правленіе.—Краткій отчетъ по операциямъ свѣчн. завода за 1900 г.—Бесѣда о 8 й заповѣди Божіей.—Освященіе лагерной церкви подъ г. Вильмонстрандомъ.—Мѣдный крестъ изъ солд. денегъ.—Ангелъ Хранитель.—Старецъ, достойный подражанія.—36-я годовщина взятія Ташкента.

¹⁾ «Первый домъ военнаго губернатора генераль-маіора Черняева. 17-го іюня 1865 года. № 152».

Редакторъ, Свящ. **Іоаннъ Таранецъ.**

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, Іюля 13 дня 1901 года.

Цензоръ Архимандритъ *Арсеній.*

Типографія «Артиллерійскаго Журнала», Фурштатская, № 21.

36-я годовщина взятія Ташкента.

(Продолженіе)¹⁾.

Для полноты картины не безъинтересно воскресить въ памяти славное дѣло взятія Ташкента на основаніи военныхъ источниковъ, именно — свидѣтельствъ главныхъ участниковъ этого событія (донесеній генерала Черняева).

Но прежде сдѣлаемъ краткій очеркъ непосредственно предшествовавшихъ историческихъ событій.

Въ 1864 году былъ предпринятъ походъ въ Туркестанъ подъ начальствомъ генерала (тогда полковника) Веревкина. Зная прежнюю полезную дѣятельность о. А. Малова (при взятіи крѣпости Динь-Курганъ, о чемъ мы скажемъ далѣе) генералъ Верекинъ пригласилъ его въ этотъ новый походъ.

¹⁾ Смотри № 15.

Вскорѣ въ Туркестанъ прибылъ генераль Черняевъ (тогда полковникъ), который и принялъ командованіе отрядомъ, назначеннымъ для движенія къ Чимкенту. Въ этотъ отрядъ и перешелъ потомъ, по завоеваніи Чимкента, о. А. Маловъ.

О движеніи нашихъ войскъ находимъ также замѣтку¹⁾. Изъ полустепнаго, полуевропейскаго Оренбурга, изъ отдаленныхъ городовъ, двинулись русскіе батальоны въ глубь страны совершенно намъ русскимъ чуждой и почти незнакомой. Твердая рука и энергическая воля вождя-героя вела эту горсть русскихъ людей и ничто не могло противустоять напору этого, по видимому, ничтожнаго по силамъ отряда русскихъ. Правители средне-азиатскихъ ханствъ: Кокандскаго—Мулла Алимкуль, Бухарскаго и др., увѣренные вполне въ своемъ вѣковомъ могуществѣ и гордые этимъ сознаніемъ, съ презрѣніемъ отнеслись сначала къ неожиданному вторженію въ предѣлы ихъ владѣній слабаго численностью русскаго отряда. Имъ казалось, что раздавить, стереть съ лица эту горсть чуждыхъ пришельцевъ — не представляетъ ничего труднаго и есть дѣло близкаго будущаго. Но уже первые подвиги русскихъ войскъ въ Средней Азій: паденіе г. Ауліэ-ата и Азрета (г. Туркестанъ) и геройское сопротивленіе храброй уральской сотни Сѣрова подъ Иканомъ, окруженной огромнымъ Кокандскимъ скопищемъ, заставило призадуматься прежде всѣхъ вступившаго въ борьбу съ Русскими правителя Коканда, храбраго и энергичнаго муллу Алимкула. Испытавъ нѣсколько разъ неудачу, которой не зналъ прежде, Алимкуль собралъ совѣтъ на которомъ спрашивалъ у людей бывавшихъ въ Россіи по торговымъ дѣламъ: «что предпринять?... Какъ остановить напоръ этой отважной горсти русскихъ?». Рассказываютъ, что во время этого совѣщанія, на дерево, подъ которымъ сидѣлъ Алимкуль, сѣлъ воронъ. Суевѣрный вождь смутился сначала, но вскорѣ оправился: взялъ ружье и выстрѣломъ убилъ ворона. Вскорѣ послѣ этого военнаго совѣта, русскимъ отрядомъ былъ взятъ штурмомъ Чимкентъ. Алимкуль тогда стянулъ всѣ свои силы къ Ташкенту и 9-го мая 1864 г. заслонилъ дорогу русскому отряду, подвигавшемуся къ этому важному оплоту въ Средней Азій. Произошло рѣшительное сраженіе. Кокандская конница, бросившаяся въ атаку на русскіе ряды, не выдержала убійственнаго огня, которымъ была встрѣчена и начала отступать. Раздраженный Алимкуль, съ саблею на-голо, кинулся въ ряды безпорядочно отсту-

¹⁾ Турк. Вѣд. 1890 г.

павшихъ кокандцевъ, рубилъ трусливыхъ, и съ крикомъ: «берите же, берите наконецъ», старался воодушевить конницу свою на новую атаку... Но въ рѣшительную минуту онъ былъ смертельно раненъ пулею. Его успѣли поддержать и успѣшно увели съ поля сраженія въ Ташкентъ (въ 7 верстахъ), гдѣ Алимкулъ вскорѣ и умеръ.

Вѣсть о ранѣ, полученной вождемъ, быстро разнеслась по рядамъ кокандцевъ и навела паническій страхъ. Все войско поспѣшно, въ крайнемъ безпорядкѣ, отступило подъ защиту крѣпостныхъ стѣнъ Ташкента. Но уступать не думало. Рѣшено было взять городъ штурмомъ. Передъ штурмомъ генераломъ Черняевымъ были посланы съ мирными предложеніями 4 человека, но они были посажены въ яму и лишь черезъ сутки выпущены съ весьма неудовлетворительнымъ отвѣтомъ.

Тогда произведенъ былъ первый штурмъ, неудачный для насъ ¹⁾. Послѣ мѣткаго съ нашей стороны артиллерійскаго огня, подполковникъ Обухъ, ближайшій сподвижникъ М. Г. Черняева въ его военныхъ трудахъ, донесъ Черняеву, что въ стѣнѣ сдѣлана брешь и «просилъ позволенія идти на штурмъ». «Зная опытность, боевое хладнокровіе и осторожность этого превосходнаго штабъ-офицера, я» доносилъ генералъ Черняевъ объ этомъ первомъ штурмѣ, «отвѣчалъ: «если можно, такъ съ Богомъ», а самъ двинулся къ нему съ двумя ротами. Тогда подполковники — Обухъ и Лерхе, съ крикомъ «ура», повели своихъ солдатъ къ стѣнѣ; стѣны барбета у кокандскихъ воротъ были разбиты; но кокандцы успѣли изнутри завалить ворота, и разсбратъ предъ ними мостъ черезъ ровъ. Приближаясь ко рву, были ранены: подполковникъ Обухъ смертельно, подполковникъ Лерхе въ руку и лѣвый бокъ,— оба пѣшкомъ шли впереди войскъ; затѣмъ были ранены два ротныхъ командира: поручики Рейхардтъ и Конопельскій».

Лишившись своихъ офицеровъ и при невозможности взобраться на крутой и высокій берегъ рва, войска остановились, засѣли во рву и стали отстрѣливаться. Видя неудачу штурма и невозможность безъ осадныхъ работъ взять городъ приступомъ, генералъ Черняевъ приказалъ подъ прикрытіемъ огня всѣхъ 12 орудій, направленныхъ противъ непріятели въ эту сторону, увести войска къ нашимъ батареямъ. Потери наши въ этомъ неудачномъ штурмѣ были значительны: выбыло изъ строя 62 раненыхъ и 16

¹⁾ По донесеніямъ генерала М. Черняева отъ 14 окт. 1864 г..

убитыхъ. Изъ раненыхъ 4 офицеровъ, подполковникъ Обухъ и поручикъ Рейхардтъ вскорѣ умерли.

Могила Обуха съ крестомъ и чугунной плитой съ надписью: «Василій Васильевичъ Обухъ убитъ въ дѣлѣ подъ Ташкентомъ 1864 г. 2-го окт. 1864 года. Да сохранится память о немъ» — находится около собора съ сѣверной его стороны.

Прахъ поручика Рейхардта покоится въ общей могилѣ на братскомъ кладбищѣ.

Мѣткій огонь нашихъ стрѣлковъ въ близкомъ разстояніи нанесъ непріятелю тоже значительный уронъ: болѣе 200 человекъ; почти всякая показавшаяся на стѣнѣ чалма сбивалась нашими стрѣлками, но убитые смѣнялись новыми.

Послѣ этого дѣла войска были уведены въ Чимкентъ, хотя «всѣ войска рвались на новое, считая себя отраженными крутизной и глубиной рва, но не непріателемъ». Новый штурмъ былъ назначенъ и произведенъ въ ночь съ 14-го на 15-е іюня слѣдующаго 1865 г. съ новаго пункта, удобнѣйшаго, каковымъ послѣ усиленной рекогносцировки найдены были Камеланскія ворота.

«Осада ¹⁾ укрѣпленнаго города, имѣющаго въ окружности 24 версты, съ населеніемъ отъ 150000 до 200000, владѣющаго огромными средствами къ защитѣ, не могла быть предпринята. Противопоставить горсть людей въ 1951 ²⁾ человекъ при 13 орудіяхъ, съ однимъ комплектомъ зарядовъ, городу, который могъ сосредоточить, противъ атакованнаго пункта, въ самомъ непродолжительномъ времени, по крайней мѣрѣ до 30000 при 50 орудіяхъ, и ожидать въ тоже время демонстраціи со стороны бухарскаго эмира, было очевидно невозможно». Поэтому генералъ Черняевъ рѣшилъ овладѣть крѣпостными верками открытою силою, быстро, прежде нежели непріятель успѣетъ сосредоточиться противъ атакованнаго пункта.

Планъ этотъ и былъ назначенъ къ выполненію въ слѣдующемъ порядкѣ.

Главный отрядъ, подъ личнымъ наблюденіемъ генерала Черняева, снявшись съ позиціи въ 11 часовъ пополудни, съ разсвѣтомъ долженъ былъ атаковать Камеланскія ворота, посредствомъ штурмовыхъ лѣстницъ и нарочно устроенныхъ арбъ съ небольшими откидными лѣстницами для перехода черезъ ровъ.

¹⁾ Донесеніе генер. Черняева отъ 7 іюля 1865 г.

²⁾ Нѣкоторая разница съ воспоминаніями о. А. Малова.

Одновременно съ атакой главнаго отряда, отряду полковника Краевского, стоявшему на Куйлюкѣ, предписано было сдѣлать демонстрацію со стороны Кокандскихъ воротъ (въ 6 верстахъ отъ Камеланскихъ) и, не предпринимая ничего рѣшительнаго, поддерживать атаку, бомбардируя городъ.

По занятіи наружной ограды, предположено было передовымъ войскамъ немедленно двинуться направо по улицѣ, идущей кругомъ городской стѣны, и, дойдя до Кокандскихъ воротъ, отворить ихъ отряду Краевского и затѣмъ уже овладѣть цитаделью.

Отрядъ выступалъ тремя колоннами. Впереди шли охотники и $2\frac{1}{2}$ роты, назначенныя на штурмъ. Эта штурмовая колонна подъ начальствомъ шт.-кап. Абрамова, подойдя къ воротамъ за $1\frac{1}{2}$ версты, сняла (?) съ верблюдовъ и неся ихъ на рукахъ, пошла по обѣ стороны дороги садами; впереди шла небольшая цѣпь стрѣлковъ. Свѣтало. — Охотники съ лѣстницами уже были отъ воротъ въ ста шагахъ, а стрѣлки — на опушкѣ садовъ подъ самою стѣною; въ это время движеніе наше было открыто. Тогда единодушное «ура» быстро охватило все встрѣтившееся на пути и, покуда гарнизонъ успѣлъ опомниться, передовые были уже на барбетѣ и сбросили непріятеля вмѣстѣ съ находившимися тутъ орудіями.

Вошли на стѣну по лѣстницамъ: первымъ унтеръ-офицеръ Хмѣлевъ, вторымъ — ротмистръ Вульфертъ, третьимъ — юнкеръ Завадовскій. *Священникъ Маловъ шелъ съ крестомъ впереди атакующихъ войскъ* ¹⁾.

Абрамовъ, когда резервы наши подоспѣли, съ 250 человекъ двинулся направо по улицѣ, вдоль городской стѣны, чтобы впустить отрядъ Краевского. На первомъ же барбетѣ Абрамовъ былъ встрѣченъ артиллерійскимъ огнемъ изъ 4-хъ орудій, прикрываемыхъ 200 сарбазовъ. Ура — и орудія были нашими заклепаны и сброшены въ ровъ. Далѣе повторилось тоже самое; затѣмъ было взято штыками еще два барбета; всѣ же остальные были уже оставлены непріателемъ и орудія только заклепывались нашими и сбрасывались. Въ числѣ отбитыхъ орудій былъ нашъ 10-фн. горный единорогъ, доставшійся непріятелю въ дѣлѣ подъ Иканомъ.

При дальнѣйшемъ движеніи въ городъ отрядъ Абрамова на первой же улицѣ былъ задержанъ баррикадами, защищаемыми сильнымъ ружейнымъ огнемъ; въ тоже время приходилось брать штыками сакли, занятія стрѣлками. Пройдя такимъ образомъ почти всю половину города, отрядъ достигъ наконецъ цитадели, но позднѣе другихъ. Между тѣмъ какъ только Абра-

¹⁾ Ibid.

мовъ двинулся вправо, непріятель, опомнившись, сталъ сосредоточиваться противъ нашего лѣваго фланга, занимая ближайшія сакли и сады, и когда солдаты очищали эти сады и сакли штыками, значительныя массы непріятельской пѣхоты, съ барабаннымъ боемъ и съ крикомъ «Аллахъ» бросились на войска. Двѣ удачно пущенныя пудовыя фугасныя ракеты, а вслѣдъ за ними ударъ въ штыки—опрокинули ихъ и заставили въ совершенномъ безпорядкѣ и съ большою потерей очистить улицы. Съ этого момента лѣвый флангъ сталъ прочно, хотя на занятой части городской стѣны перестрѣлка съ деревьевъ и сакель продолжалась еще до вечера.

Отряды маіора Де-ла-Круа и полк. Жемчужникова, посланные одинъ за другимъ вслѣдъ за отрядомъ Абрамова къ цитадели, встрѣчали тѣже препятствія—баррикады, которыя непріятель необыкновенно скоро устраивалъ изъ арбъ и срубленныхъ деревьевъ. Занявъ цитадель (ранѣе отряда Абрамова занятаго операціями по открытію воротъ для отряда полк. Краевского), отряды эти открыли артиллерійскій огонь по городу, благодаря которому непріятель былъ отброшенъ внутрь города и прекратилъ перестрѣлку. Но наши должны были оставить цитадель, такъ какъ кокандцы подожгли службы ханскаго дворца и огонь, распространяясь довольно быстро, грозилъ взрывомъ пороховыхъ складовъ, тамъ находившихся.

4-й отрядъ Краевского, снявшись съ позиціи на Куйлюкѣ, двинулся къ Ташкенту въ полночь. Непріятель, замѣтивъ отрядъ, когда онъ подошелъ къ городу, открылъ по немъ огонь изъ 9 орудій, на который тотъ отвѣчалъ изъ 4-хъ легкихъ орудій. Вскорѣ за стѣною послышалось «ура» подоспѣвшихъ людей главнаго отряда, съ помощью которыхъ солдаты на лямкахъ и ружьяхъ стали взбираться на стѣны.

Въ это время Краевскій получилъ извѣстіе о появленіи на правомъ флангѣ массы непріятели; удачныя выстрѣлы картечью на самое близкое разстояніе заставили эти толпы бѣжать; горсть казаковъ бросилась ихъ преслѣдовать; показавшіяся слѣдующія толпы кокандской кавалеріи были встрѣчены не менѣе удачно и также обращены въ бѣгство. Вся эта многочисленная кавалерія, болѣе 5000, преслѣдуемая горстью удалцевъ, разбросала по дорогѣ свои знамена и, доскакавъ до горной рѣчки Чирчика, въ безпорядкѣ бросилась въ рѣчку для переправы, топя другъ друга. Покончивъ съ этимъ, отрядъ Краевского вошелъ черезъ отворенныя ворота въ городъ и, соединившись съ другими, сталъ на позиціи на мѣстѣ ханской ставки.

Съ очищеніемъ половины города и съ прекращеніемъ перестрѣлки главный

отрядъ расположился у Камеланскихъ воротъ. Сюда явились аксакалы съ изъявленіемъ покорности и обѣщаніями мира, для заключенія котораго обѣщались прислать старшинъ города, но къ вечеру непріятель опять засѣлъ въ ближайшихъ сакляхъ и открылъ огонь по нашей цѣпи. Сообщение между главнымъ отрядомъ и отрядомъ Краевского почти прекратилось. Баррикады явились на всѣхъ улицахъ и на всѣхъ перекресткахъ. Сопrotивленіе сдѣлось еще отчаяннѣе. Были случаи, что одинъ, два человѣка съ своеобразнымъ оружіемъ въ родѣ топора на длинной рукояткѣ кидались на цѣлую роту и умирали на штыкахъ. Посланные небольшіе отряды по смежнымъ улицамъ встрѣчали самое ожесточенное сопротивленіе. Каждую саклю приходилось брать штыками, и только тогда она дѣлалась неопасною, когда засѣвшіе въ ней были переколоты. Самое упорное сопротивленіе встрѣчено было по улицѣ, ведущей отъ воротъ на главный базаръ.

Артиллеріи сотникъ Ивановъ ¹⁾, посланный генераломъ Черняевымъ съ 50 человѣками для очищенія ея, встрѣтилъ баррикады, вооруженныя артиллеріей. Не въ состояніи выбить коканскихъ стрѣлковъ ружейнымъ огнемъ, онъ кинулся въ штыки на первую баррикаду, и не смотря на отчаянное сопротивленіе, выбилъ оттуда непріятеля и завладѣлъ орудіемъ. Тотчасъ-же за первую оказалась вторая, вооруженная двумя орудіями; впереди ея былъ глубокой арыкъ, служившій ей ровомъ; близъ лежащія двухъ этажныя сакли доставляли весьма сильную перекрестную оборону; горсть храбрыхъ, едва занявши послѣ упорнаго боя первую баррикаду, прежде чѣмъ успѣла разобрать ее, была встрѣчена картечью изъ-за второй. Ивановъ, видя затруднительное положеніе и считая невозможнымъ какую-бы то ни было перестрѣлку, первый бросился на ура и увлекъ за собою солдатъ: орудія и баррикады были взяты; здѣсь онъ былъ контуженъ и отозванъ въ лагерь ¹⁾, а на его мѣсто былъ посланъ поручикъ Макаровъ.

Общимъ смѣлымъ дѣйствіемъ нашихъ войскъ, улицы были очищены вторично. Къ ночи всѣ войска стянулись къ Камеланскимъ воротамъ. Артиллерія, выдвинутая отъ воротъ на версту внутрь города, открыла огонь, продолжавшійся всю ночь. Отъ нашихъ гранатъ еще съ вечера въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загорѣлись сакли, и пожаръ, распространившійся въ ближней части города, продолжался до слѣдующаго дня. 16-го числа утромъ полк. Краев-

¹⁾ Нынѣ генераль-губернаторъ и командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа, генераль-лейтенантъ Николай Александровичъ Ивановъ.

²⁾ Донесеніе генерала Черняева.

скій съ 3 ротами и 2 орудіями былъ командированъ для сбора непріятельскихъ орудій и взрыва цитадели. По всей дорогѣ встрѣчены имъ были тѣ же баррикады и тотъ-же огонь изъ смежныхъ сакель, какъ и наканунѣ. Уничтоживъ эти препятствія, отрядъ благополучно вернулся въ цитадель, гдѣ снова встрѣтилъ сопротивленіе; всѣ ближайшіе сады и сакли были заняты кокандскими стрѣлками, которые открыли частый и весьма мѣткій огонь по отряду. Уничтоживъ и эти преграды и исполнивъ порученіе, отрядъ вернулся въ лагерь.

Передъ закатомъ солнца прибыли наконецъ посланные отъ аксакаловъ, а 17-го аксакалы и почетные жители города съ изъявленіемъ полной готовности подчиниться русскому правительству.

Городъ сдался безусловно, и немедленно было сдѣлано распоряженіе объ обезоруженіи его. Къ вечеру было доставлено самими жителями до 20 мѣдныхъ орудій и до 300 ружей. Въ городѣ водворилось совершенное спокойствіе и ни одного уже выстрѣла не было слышно. Ташкентъ былъ покоренъ окончательно.

Трофеями нашими были 16 большихъ знаменъ ¹⁾, въ томъ числѣ одно бухарское, множество значковъ, 63 оружія разнаго калибра, изъ которыхъ 48 мѣдныхъ, и при томъ замѣчательно хорошаго литья, и множество ружей. Пороху найдено до 2000 пуд., снарядовъ до 10000.

Потери наши въ этотъ 2-й штурмъ опредѣлились: офицеровъ: раненыхъ 3, контуж. 4; нижнихъ чиновъ: ранен. 86, контуж. 24, убитыхъ 25.

Въ заключеніе, доносилъ генераль Черняевъ, «не могу умолчать о лицахъ, обратившихъ на себя особенное вниманіе при штурмѣ Ташкента храбростію, мужествомъ и распорядительностію, а именно: полк. Краевского, ротм. Вульфберта, шт.-к. Абрамова, поручиковъ: Макарова, Грязнова, сотника Иванова, подпр. Лапина 2 го и Шорохова, прапорщика Меркулова, священника Малова и лекаря Маціевскаго!».

«За геройскую храбрость и воодушевленіе войскъ во время штурма и взятія Ташкента съ 15-е по 17-е іюня священникъ Маловъ награжденъ золотымъ наперстнымъ крестомъ на Георгіевской лентѣ, изъ кабинета Его Величества». Изъ Св. Синода «преподано ему благословеніе» (Клиров. вѣдом.).

14-го іюня 1865 г. нашъ отрядъ находился въ 18 верстахъ отъ Таш-

¹⁾ По справкамъ знамена эти переданы были въ военную Іосифо-Георгіевскую церковь, гдѣ и хранились; въ настоящее время ихъ нѣтъ: безопасное время уничтожило ихъ.

Что-же касается мѣдныхъ пушекъ, то изъ нихъ получились чудные добродогласные колокола для военного собора и Іосифо-Георгіевской церкви, которые благовѣствуютъ и будутъ благовѣствовать Славу Божию и повѣдаютъ доблесть русскую.

кента. Отрядъ этотъ былъ не великъ, не болѣе 1300 человекъ, съ которыми и предстояло взять огромный городъ съ стотысячнымъ населеніемъ. Но за то это немногочисленное войско было закалено и испытано и въ борьбѣ съ азіатами и страшными для новичка знойнымъ климатомъ Туркестана, съ его необозримыми песками и солончаковыми пустынями, палящимъ солнцемъ и изнурительными лихорадками. Последнія и теперь, принимая гастрическую форму, хотя не такъ бурно и рѣдко, какъ старшая сестра этой формы—страшная холера, но за то систематически, постоянно уносятъ много жертвъ изъ рядовъ Туркестанскихъ войскъ, о чемъ ясно говорятъ ряды крестовъ военного кладбища.

Между тѣмъ чрезъ лазутчиковъ было получено извѣстіе, что на выручку Ташкента съ громадными силами спѣшитъ бухарскій эмиръ, а съ тыла наши были уже отрѣзаны—кокандцами, еще порядкомъ не нюхавшими русскаго пороху и потому отважными. Они уже успѣли захватить у насъ кое-что изъ обоза, не изъ военныхъ доспѣховъ, а изъ вещей, лично принадлежавшихъ о. Малову и друг. участникамъ похода,—самаго мирнаго характера. Положеніе нашего отряда сразу стало критическимъ. Тогда генераль М. Г. Черняевъ въ 9 часовъ вечера собралъ военный совѣтъ, на которомъ и предложилъ вопросъ: «что дѣлать»? Рѣшено было идти впередъ. И пошли наши воины, раздѣлившись на небольшіе отряды, съ твердымъ намѣреніемъ или побѣдить или поголовно полечь костями подъ стѣнами Ташкента; пушки обвязали кошнами (войлоками) и не слышные и не видимые (курить и разговаривать было строго запрещено) подъ покровомъ темной ночи двинулись по направленію къ городу. Движеніе предпринятое садами, отдѣленными одинъ отъ другого дувалами (глинобитными заборами) и изборужденными по всѣмъ направленіямъ арыками (канавами), было столь замедлено, среди частыхъ древесныхъ насажденій, что лишь утромъ при восходѣ солнца достигли городскихъ стѣнъ и остановились предъ Камеланскими воротами. Ворота были заперты, но на стѣнахъ—ни одного часового. Туземцы, крѣпко увѣренные въ своей многочисленности и малочисленности русскаго отряда, о чемъ они были отлично освѣдомлены, не приняли даже этой первой мѣры предосторожности. Къ тому-же это время было временемъ урозы (поста). Постъ у мусульманъ справляется, какъ извѣстно, строго, но очень оригинально. Весь день правовѣрные ничего не ѣдятъ и не пьютъ, но за то ночью разрѣшаютъ на все; всю ночь бодрствуютъ, пьютъ и ѣдятъ по праздничному.

Пропустившись день, ночь провели они въ пиршествѣ и къ разсвѣту

заснули богатырскимъ сномъ. Безпечно спало стотысячное населеніе города, не уступало ему въ этомъ мирномъ занятіи и находившееся въ городѣ 15-ти тысячное кокандское войско; примѣромъ послѣдняго заразилась и стража, разставленная у стѣнъ, внутри города. Жестоко пришлось поплатиться за безпечность: пробужденіе было подъ пулями и штыками, подъ аккомпаниментъ пушекъ, и многіе проснулись съ тѣмъ, чтобы заснуть на вѣки.

«Первыми полѣзли на стѣну ротмистръ Вульфеть, поручикъ Шороховъ и священникъ Маловъ» (Исторія 4-го Турк. баталіона. Зайцевъ).

Въ то время, какъ одни, приставивъ штурмовыя лѣстницы къ 5-ти сж. стѣнамъ, по нимъ попадали въ крѣпость, другіе, замѣтивъ между воротами и стѣной отверстіе, свободно черезъ него проникли въ городъ. Отъ неожиданности нападенія защитники растерялись, въ паническомъ страхѣ бросились бѣжать, но вскорѣ опомнились и, воодушевляемые духовенствомъ, начали оказывать энергичное сопротивленіе; началась жестокая рѣзня. «Я былъ въ отрядѣ капитана Абрамова (впослѣдствіи Ферганскій военный губернаторъ); подвигаюсь съ отрядомъ пробивающимся къ заранѣ назначенному въ воен. совѣтъ пункту; каждому отряду была дана своя задача, своя цѣль; М. Г. Черняевъ долженъ былъ остаться у Камелкинскихъ воротъ, чтобы удержать ихъ за собой и тѣмъ сохранить нашъ сборный пунктъ; другой отрядъ подполк. Жемчужникова направился къ цитадели; артиллерія полк. Краевского имѣла подойти къ кашгарскимъ воротамъ, а нашъ отрядъ, направляясь вдоль стѣнъ, долженъ былъ подойти къ этимъ воротамъ и во время отворить ихъ.

Кругомъ пальба, рѣзня, свистъ пуль; вдругъ, слышу, стонъ и голосъ: «батюшка, напутствуй меня, прими послѣдній вздохъ!..... Быстро сходишь съ коня, наклоняешься къ умирающему, напутствуешь его, говоришь ему нѣсколько словъ утѣшенія, благословишь крестомъ и опять на коня, пока опять среди гула битвы, среди свирѣпыхъ криковъ азіатовъ, не услышишь неземное смиренное моленіе: «Отець-батюшка, умираю, прости Христа ради»?.. Напутствуешь его, исповѣдавъ поскорю, видя что тяжело бѣднягѣ, не выжить, да и самъ онъ знаетъ, что ему, и если не умретъ отъ раны, не видѣть больше свѣта бѣлаго, «то бо есть послѣднее видѣть солнце»: азіаты не знаютъ пощады раненымъ и плѣнникамъ. Отрядъ Делакура, шедшій за нами, мѣста пройденныя нами находилъ вновь занятыми непріателемъ и вновь долженъ былъ очищать ихъ штыками. Нафанатизированные жители, пользуясь азіатской тѣснотой улицъ, густой стѣной напирала на насъ, и мы, не

имѣя возможности развернуться въ этой давкѣ, должны были раздѣлиться на мелкіе отряды, человѣкъ въ 40 каждый. Одинъ такой отрядъ поручили мнѣ. Въ одномъ мѣстѣ цѣлая туча враговъ, человѣкъ въ тысячу, двинулась на насъ; солдатики мои дрогнули, да и поворотились было, чтобы бѣжать. «Стой, братцы, неужели этотъ крестъ нехристамъ на поруганіе отдатите? Впередъ!» Увидѣвъ крестъ, солдаты ободрились, воротились и врагу не уступали. Эти насѣданія врага массами вынудили насъ зажигать сакли и тѣмъ отвлекать вниманіе населенія. Сунеть солдатъ римскую свѣчу къ кровлѣ и камишь моментально запылаетъ. На улицахъ вездѣ баррикады; каждый шагъ брали съ боя. Пока разрушаемъ баррикады, отбиваемся отъ непріятеля, который лѣзетъ прямо въ рукопашную, изъ-за стѣнъ сакель и съ деревьевъ стрѣляютъ пулями и бросаютъ камнями. Самъ о. Маловъ служилъ заманчивой мишенью для выстрѣловъ. Впереди отряда на бѣлой лошади, въ не простомъ одѣяніи, съ сіяющимъ на солнцѣ большимъ крестомъ въ рукѣ съ серебряной позлащенной дароносицей ¹⁾ на груди о. А. Маловъ былъ принимаемъ туземцами за важнаго тюрю (господина, начальника), чуть-ли не за главу движенія русскихъ въ среднюю Азію, и потому на него особенно щедро направлялись выстрѣлы и камни. Однако пули не трогали его. «Въ одномъ мѣстѣ я напутствовалъ умирающаго; окончивъ этотъ св. долгъ, я хотѣлъ сѣсть снова на коня и уже занесъ ногу въ стремя, какъ солдатикъ, державшій лошадь, осѣлъ и поклонился мнѣ до земли; пришлось и его благословить «въ дальній путь», — пуля ударила его въ спину на вылетъ». Смерть была близко отъ о. Малова и пуля эта предназначалась сарбазомъ (туземнымъ солдатомъ) ему. «Подъ вечеръ меня чуть не прихлопнули, говорилъ между прочимъ о. Маловъ, попали мы въ улицу довольно спокойную, опасности не предвидѣлось; въ концѣ улицы базарчикъ и тамъ сарты себѣ палау (національное любимое блюдо) готовили. Солдаты, сутки не ѣвшіе, бросались туда и давай этимъ палау угощаться. Я остановилъ лошадь среди улицы, жду. Вдругъ

¹⁾ Дароносица эта, какъ и др. предметы: кресты напрестольные, лжицы, ковши и др., въ значительномъ количествѣ жертвуемыя участниками похода въ военную церковь, въ благодарность Богу, по занятіи извѣстнаго пункта, вырѣзаннаго на предметъ вмѣстѣ съ хронологическими датами, служатъ своего рода исторіей завоеванія края, записанной на серебрѣ. Здѣсь читаемъ о времени взятія Ташкента, Чимкента, Ходжента и др. Всѣ эти рѣдкія историческія вещи хранятся въ нашей первой военной церкви—Іосифо-Георгіевской,—нынѣ епархіальной.

откуда ни возмись—четыре сарбаза, перепрыгнули арыкъ и на меня. Передній поднялъ ружье и саженьяхъ въ двухъ прицѣлился мнѣ въ голову. «Братцы, прощайте! крикнулъ я своимъ, возьмите крестъ!» Сарбазъ выстрѣлилъ,—осѣчка! Тогда онъ подбѣжалъ ко мнѣ и ударилъ прикладомъ по плечу. Солдаты тутъ-же выбѣжали и приняли враговъ. Сильно ударилъ сарбазъ, плечо долго болѣло».

Наконецъ мы добрались до ханской ставки, куда прибылъ, благополучно вошедшій въ городъ отрядъ Краевского и куда стянулись отряды Абрамова, Делакура и др. Солдаты, не знавшіе цѣлый день, что дѣлается съ другими отрядами, не имѣя другъ о другѣ извѣстій, бросились обниматься и цѣловаться. Теперь, когда мы все соединились, все воспрянули духомъ, увѣренные, что насъ не одолѣтъ.

Между тѣмъ М. Г. Черняевъ удержалъ за собою Камеланскія ворота, но потребовалъ насъ къ себѣ, потому-что на него насѣдали сорты со всехъ сторонъ. Ночевали мы тогда у Камеланскихъ воротъ, окруживъ себя огненною линіею подожженныхъ сакель, но перестрѣлка длилась всю ночь между цѣпью нашихъ сторожевыхъ постовъ и подбѣгавшими въ разсыпную сортами. Изъ пушекъ палили по выстрѣлу черезъ полчаса, потому-что берегли заряды, которыхъ у насъ было очень не много».

Слѣдующій день—16-го іюня былъ продолженіемъ перваго дня,—прошелъ въ непрерывныхъ стычкахъ съ непріятелями, не смотря на то, что къ Черняеву приходили не одинъ разъ депутаціи отъ торговцевъ и хлѣбопашцевъ съ предложеніями сдать городъ побѣдителямъ. Аксакалы (старшины города) и фанатичные ишаны и муллы не были согласны съ мнѣніемъ мирно настроенной части населенія, симпатизирующей русскимъ.

Только 17-го іюня Ташкентъ былъ взятъ окончательно, кокандскія войска ушли, малолѣтній ханъ бѣжалъ, мы расположились въ ханскомъ дворцѣ, устроенномъ въ восточномъ вкусѣ.

При разборѣ военныхъ трофеевъ въ числѣ туземныхъ пушекъ была и наша, отнятая у насъ кокандцами при Иканѣ. И эта наша пушка послужила прототипомъ для сартовскихъ пушекъ; все онѣ были отлиты сметливымъ народомъ по образцу нашей.

Въ этомъ покоренномъ такъ наз. старомъ Ташкентѣ, который и по типу построекъ и жизни таковъ же какъ и 36 лѣтъ назадъ, изъ побѣдителей русскихъ живетъ только представитель порядка—полицмейстеръ съ своими подчиненными. Есть впрочемъ представители торговли, промышлен-

ности, русской медицины. Русскими въ первое же время основанъ верстахъ въ 2-хъ—3-хъ отъ стараго свой—новый Ташкентъ, городъ на Европейскій ладъ. Началомъ города и послужилъ упомянутый выше первый домикъ генерала Черняева, сооруженный, судя по простѣйшимъ формамъ архитектуры—руками русскихъ солдатиковъ хохловъ.

Теперь оба города соединены трамваемъ съ конной тягой, конечно, бельгійскаго происхожденія. По вкусу пришлась аборигенамъ европ. конка; вмѣсто туземной грязной арбы, перегруженной пассажирами и тонувшей въ непролазной пучинѣ стараго города, довольный сидитъ себѣ за 5 коп. восточный человѣкъ въ просторной чистой конкѣ, съ папироской русскаго происхожденія въ зубахъ, и ухмыляется. *Tempora mutantur.*

Говорятъ, правда, что въ старомъ городѣ есть не мало такихъ твердыхъ стариковъ, нога которыхъ не была на территоріи новаго русскаго города, и которые на новыя пути передвиженія смотрятъ какъ на дьявольское навожденіе; «шайтанъ-арба», говоритъ такой «бабай» о нашемъ локомотивѣ, и въ вагоны—эти сѣдалища губителей—не сѣде, и на улицахъ новаго города-русскаго Ташкента—этихъ путяхъ грѣшныхъ—не ста. Лучше, удобнѣе и безопаснѣе, какъ верховой конь, арба и ишачекъ (мелкая порода осликовъ), на которомъ переважно возсѣдаетъ рослый правовѣрный, чувствуя себя въ полной безопасности, такъ какъ ноги его на всякій случай достаютъ до земли,—правовѣрный стараго закала не признаетъ ничего, считая ихъ единственно дозволенными и подходящими для путешествія по сей грѣшной землѣ.

Ташкентскаго военнаго собора Священникъ А. Богословскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Содержаніе. О назнач. брат. собранія на 16-е число ноября.—Высоч. награда.—Пожертв. въ церкви воен. и мор. вѣдомъ въ.—Бесѣда о томъ, что воен. служба угодна Богу.—Поученія при погребеніи засыпан. обваломъ земли война-сапера.—Храмъ—памятникъ воину-мученику Агафону Никитину.—Условія службы священника въ дисциплин. баталіонѣ.—Замѣтка стараго подполковника о церкви и священникѣ Ревельск. пѣх. полка.—36-я годовщина взятія Ташкента (продолж.).

Редакторъ, Свящ. *Іоаннъ Таранецъ.*

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, Октября 5 дня 1901 года.

Цензоръ Геромонахъ *Филаретъ.*

Типографія «Артиллерійскаго Журнала», Фурштатская, № 21.

36-я годовщина взятія Ташкента.

(Окончаніе) ¹⁾.

Протоіерей Андрей Евграфовичъ Маловъ.

«Да сохранится память о немъ».

«О чемъ бы ни заговорили изъ исторіи завоеванія Туркестана», любилъ повторять генераль М. Т., «а всегда сведутъ на свящ. Малова. Да и нельзя было миновать его, когда заходила рѣчь о Чимкентѣ, Ташкентѣ, Ходжентѣ и т. д.».

И дѣйствительно, — изъ описаній штурмовъ и взятія Ташкента, изъ которыхъ одно дополняетъ другое, расходясь лишь въ частности, самъ

¹⁾ См. Вѣстн. Воен. Д-ва № 20.

собой выступает и обрисовывается величавый духовный обликъ отца Андрея Малова (этого второго, такъ сказать, Туркестанскаго о. І. М. Пятибокова).

Но для болѣе полной характеристики этой исторической личности, являющейся славой и гордостью Туркестанскаго военнаго духовенства, приведемъ еще изъ воспоминаній объ о. А. Маловѣ, собранныхъ и записанныхъ въ достойномъ всякаго уваженія и глубокой благодарности трудѣ ¹⁾ г-жи Л. Симоновой, и нѣкоторыя другія, дополнивъ этотъ матеріалъ свѣдѣніями о послѣднихъ годахъ жизни и смерти (1899 г.) его, что уже было на нашей памяти. Этого требуетъ и историческая правда объ о. А. Маловѣ, «которая иногда бываетъ неправдоподобна». Чрезъ мѣру усердные почитатели его и рассказчики не могутъ удержаться отъ того, чтобы не прибавить чего-либо для красоты рѣчи, чтобы скорѣе и сильнѣе поразить ухо случайнаго слушателя и читателя. Конечно это достигается и соответствующимъ сильнымъ лаконизмомъ языка и эпитетами ²⁾. Почившій о. протоіерей теперь не возразить, да и при жизни это былъ въ высшей степени незлобивый, терпѣливый человѣкъ, «но прикрасы отвергалъ», боевые свои подвиги (командованіе) признавалъ «вынужденными» и фамильярныхъ эпитетовъ не любилъ, и они къ нему не идутъ; онъ для нихъ великъ.

Повторять прикрашенные рассказы мы, понятно, не будемъ, но скажемъ, что эти рассказы, цѣль которыхъ по своему благая, оставляютъ горькій осадокъ, еще тѣмъ, что въ нихъ протоіерей А. Маловъ обрисовывается односторонне: какъ священникъ укрывается, ставится въ тѣнь, а ярко выставляется какъ военачальникъ въ рясахъ, какъ личность исключительная. Является естественная мысль, что о. Маловъ, предназначенный къ военной карьерѣ, попалъ не на свое мѣсто и потому былъ великъ, конечно, въ своемъ масштабѣ; но вѣрнѣе — онъ былъ великъ потому, что былъ тогда на своемъ мѣстѣ, былъ истиннымъ военнымъ священникомъ, съ любовью, серьезно относившимся къ своему служенію военнаго пастыря, которое онъ понималъ широко.

Но закончимъ характерный стрывокъ изъ воспоминаній генерала М. Т.,

¹⁾ Брошюрка г-жи Л. Симоновой издана въ 1890 году въ числѣ двухъ тысячъ экземпляровъ, составляющихъ вынѣ библиографическую рѣдкость.

²⁾ Въ послѣднемъ не повиненъ и столь извѣстный путешественникъ и писатель Е. Марковъ въ № 125 «Свѣта» за настоящій годъ.

которымъ начали (№ 28. Турк. Вѣд. за 1890 г.). «Съ отцомъ Андреемъ Маловымъ я познакомился еще въ 1867 году. Тогда его боевыя лавры были еще свѣжи и рассказы объ его подвигахъ не сходили съ устъ. О чемъ бы ни заговорили, а всегда сведуть на Малова. Да и нельзя было миновать его, когда рѣчь заходила о Чимкентѣ, Ташкентѣ, Ирджарѣ, Ходжентѣ и т. д. Слава «боевого священника», любимца офицеровъ и солдатъ, поистинѣ «гремѣла трубой», какъ поется въ извѣстной военной пѣснѣ. Въ концѣ 1869 года покойный «устроитель края» ген.-ад. фонъ-Кауфманъ поручилъ мнѣ составить «Исторію завоеванія Средней Азіи». Задавшись мыслию написать правдивую вещь, безъ утайки ошибокъ, и воздать каждому по дѣламъ его, я, конечно, не могъ ограничиться однѣми реляціями и архивными данными, а сталъ разыскивать участниковъ сраженій и штурмовъ, сталъ собирать устные рассказы, свѣрять ихъ по разнымъ вариантамъ, очищая отъ всякихъ прикрасъ. Это было дѣло не легкое, такъ какъ и правда бываетъ иногда не правдоподобна. Окончивъ ту или другую главу, я сообщалъ ее для прочтенія тому начальствующему лицу, дѣйствіи котораго описывались; генералы читали что до нихъ относилось, дѣлали замѣтки, давали указанія, а я исправлялъ, если находилъ замѣтки несправедливыми. Долженъ откровенно сознаться, что только одинъ генералъ остался доволенъ вполне; остальные не могли примириться «съ критикой»...

«Въ ряду другихъ «дѣлателей исторіи» не послѣднее мѣсто занималъ и о. Маловъ. Обратившись къ нему за провѣркой собранныхъ о немъ сказаній, я сблизился съ этимъ дивнымъ человѣкомъ, представлявшимъ собою чрезвычайно интересное явленіе: о себѣ онъ рассказывалъ неохотно, но подтвердилъ чужіе рассказы, откинувъ однако же всякія прикрасы; военное дѣло онъ понималъ и любилъ, а когда бывало онъ увлечется рассказомъ и разговорится—видишь предъ собою не священника, а полководца! Мнѣ тогда казалось, что если бы онъ избралъ военную карьеру, то былъ бы не благочиннымъ церквей Сыръ-Дарьинской области, съ золотымъ наперснымъ крестомъ на георгіевской лентѣ, а военнымъ губернаторомъ съ Георгіемъ на шеѣ!».

«О боевыхъ подвигахъ отца Малова я говорить теперь не буду: о нихъ достаточно сказано въ его біографіи, написанной г-жей Симоновой». Къ этому признанному источнику мы и обратимся за фактами «подвиговъ». Но

прежде, для связи всего цѣлаго, приведемъ нѣкоторыя ¹⁾ біографическія данныя о. Андрея Малова.

Отецъ Андрей родился въ 1815 году.

Сынъ священника; уроженецъ Самарской губерніи, воспитывался въ Оренбургской духовной семинаріи, гдѣ и «окончилъ курсъ съ аттестатомъ 2-го разряда». Суровыя условія жизни, дѣятельная борьба съ темными, полудикими приуральскими инородцами и непосредственная близость еще болѣе дикихъ сыновъ киргизской степи — вотъ та обстановка въ которой выросъ и воспитался будущій сподвижникъ Черняева, Абрамова, Кауфмана. Наклонность къ военному дѣлу сказалась въ немъ, подъ очевиднымъ влияніемъ этой обстановки, въ самомъ юномъ возрастѣ: товарищи семинаристы называли его до самаго выпуска «генераломъ».

Тѣмъ не менѣе, выступая на арену общественной дѣятельности, молодой Маловъ, уступая желанію своего отца, избираетъ пастырскій посохъ и дѣлается сельскимъ священникомъ. По рукоположеніи въ 1839 году 26-го февраля Уфимскимъ епископомъ Іоанніемъ въ санъ священника къ церкви села «Бережные челны» на р. Камѣ, о. Андрей былъ въ слѣдующемъ году переведенъ въ село Матвѣевку, Мензелинскаго уѣзда, гдѣ священствовалъ десять лѣтъ, а затѣмъ, въ уваженіе отличной его пастырской дѣятельности, назначенъ былъ въ штатъ Мензелинскаго собора и награжденъ набедренникомъ. Лишь въ 1856 году, будучи уже 40-лѣтнимъ вдовцомъ, о. Андрей получаетъ возможность осуществить отчасти свою завѣтную мечту, сдѣлавшись военнымъ священникомъ въ недавно завоеванномъ укрѣпленіи «Акъ-Мечеть» нынѣшнемъ г. Перовскѣ, куда онъ прибылъ по вызову бывшаго Оренбургскимъ генераль-губернаторомъ графа Перовскаго.

Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ дѣятельность его ограничивается лишь храмомъ и школой.

О. Андрей былъ первымъ насадителемъ школьнаго просвѣщенія въ фортѣ Перовскомъ; имъ былъ выработанъ и планъ и порядокъ въ первой школѣ и все до малѣйшей подробности.

«По мнѣнію о. Малова ²⁾, изложенному въ сообщеніи командирующему

¹⁾ Подробный біографическій очеркъ и портретъ отца А. Малова помѣщены въ Паломникъ въ №№ 7, 8, 9 и 31 за 1889 г., воспользоваться каковымъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ, за неимѣніемъ журнала за этотъ годъ въ городѣ.

²⁾ Историческій очеркъ народнаго образованія въ городахъ и укрѣпленіяхъ Сыръ-Дарьинской линіи и Туркестанской области. Н. Остроумова.

линей ген.-лейт. Дебу, школьное помещеніе, въ виду могущаго со временемъ увеличиться населенія форта, должно состоять изъ передней и трехъ комнатъ; комнаты должны быть снабжены по наличному числу учениковъ скамьями и столами со врѣзными между каждой парой учениковъ чернильницами, а для наставниковъ приличною мебелью. Не забылъ о. Маловъ о часахъ и звонкѣ, при помощи которыхъ училищный сторожъ слѣдилъ бы за началомъ уроковъ; упомянулъ о необходимости содержать училище въ чистотѣ и опрятности».

«Кромѣ обученія дѣтей, чтенію, чистописанію и общеизвѣстнымъ молитвамъ (въ 1-мъ кл.), Св. Исторіи, катехизису, счетоводству и ариметикѣ (2 кл.), о. Маловъ находилъ полезнымъ, для развитія способности мышленія учащихся, читать иногда дѣтямъ 2-го класса литературно-нравственныя статьи изъ дѣтскихъ журналовъ, чтобы дѣти могли повторять прочитанное въ своихъ разказахъ, при чемъ имъ предлагались бы «различныя возраженія», примѣнительно къ первымъ ихъ понятіямъ».

«Составленный о. Маловымъ планъ учебной части въ Перовской школѣ имѣетъ свои хорошія стороны. О. Маловъ благоразумно не ввелъ въ курсъ своей школы безцѣльное, не имѣющее никакого значенія, изученіе первой части грамматики Греча, часть географіи Ободовскаго, исторіи Устрялова; зубреніе паизуетъ нѣсколькихъ страницъ изъ учебниковъ указанныхъ авторовъ не могло бы научить дѣтей географіи и исторіи, и потому съ большею пользой для дѣтей могло быть замѣнено толковымъ чтеніемъ литературно-нравственныхъ статей и историческихъ разказовъ изъ дѣтскихъ журналовъ, какъ проектировалъ о. Маловъ».

«Проектъ школы о. Малова былъ «во всѣхъ отношеніяхъ» одобренъ ген. л. Дебу, и коменданту г. Перовска было предписано назначить въ помощь о. Малову двухъ учителей «изъ юнкеровъ», которые и должны были подъ надзоромъ и руководствомъ перваго, добросовѣстно исполнять возложенныя на нихъ обязанности».

Для самой школы о. Маловъ временно уступилъ двѣ комнаты изъ своей квартиры; прапорщикъ Батыршинъ и юнкеръ Давыдовъ согласились безплатно преподавать въ открываемомъ училищѣ, каковое 14 апрѣля 1860 года, въ 10 часовъ утра и было открыто о. Андреемъ послѣ совершеннаго имъ поэтому случаю молебствія.

«О. Маловъ позаботился и о религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей, что должно было имѣть особенно важное значеніе для дѣтей перов-

скихъ жителей, оторванныхъ отъ православной родины и отчужденныхъ полуязычниками киргизами. Требуя, чтобы дѣти по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ собирались въ школу, и отсюда въ порядкѣ отправлялись въ церковь, къ богослуженію, въ которомъ принимали бы дѣятельное участіе, о. Маловъ приучалъ ихъ съ юныхъ лѣтъ не забывать церкви и относиться къ ней съ должнымъ благоговѣніемъ, а объ этомъ и должна была особенно заботиться русская народная школа въ средне-азиатской степи».

За полезную пастырскую дѣятельность въ Перовскѣ о. Андрей былъ награжденъ фіолетовою бархатною скуфьею.

Въ началѣ 1862 года въ жизни о. Малова совершается знаменательный и чреватый послѣдствіями переломъ: онъ дѣлается участникомъ экспедиціи генерала Дебу вверхъ по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ и штурма кокандскаго укрѣпленія Динь-Курганъ. Съ этого момента о. Андрей пріобрѣтаетъ новую арену дѣятельности—поле сраженія и не покидаетъ ея въ теченіе болѣе десяти лѣтъ. На этомъ поприщѣ онъ совершаетъ длинный рядъ незабвенныхъ для исторіи края подвиговъ мужества, самоотверженія и христіанской любви къ ближнему. Не мѣняя посоха на мечъ и не зная другого оружія, кромѣ воодушевляющаго слова и креста, онъ воплощаетъ въ себѣ истиннаго пастыря воина: и тотъ и другой сказывались въ немъ всегда нераздѣльно, представляя въ тоже время вполне гармоничное сочетаніе. Послѣ Динь-Кургана слѣдуютъ Туркестанъ, Чимкентъ, Ніазбекъ, Ташкентъ... Ниже мы опишемъ въ послѣдовательномъ порядкѣ участіе о. Андрея въ этихъ славныхъ военныхъ эпизодахъ. Въ настоящую минуту, не обрисовывая разнообразность обстановки этихъ подвиговъ о. Андрея, скажемъ объ ихъ сущности. Нигдѣ, начиная съ Динь-Кургана и кончая послѣдней стычкой съ хивинцами 1873 г., о. Маловъ не является ни хитроумнымъ стратегомъ въ священнической рясѣ, ни обыденнымъ военнымъ духовникомъ, преподающимъ духовное напутствіе на перевязочномъ пунктѣ. Рѣшительно вездѣ былъ онъ одновременно духовникомъ умирающаго на полѣ брани солдата и безстрашнымъ крестоносцемъ, грознымъ врагу своимъ моральнымъ воздействиемъ на христолюбивое воинство, слѣпо вѣрившее въ близость побѣды тамъ, гдѣ съ нимъ «батюшка Маловъ». Дѣйствительно, грознымъ видѣніемъ долженъ былъ представляться нашимъ противникамъ этотъ человекъ представительной и почтенной наружности въ бѣлой рясѣ, съ крестомъ въ рукѣ и блестящей крестообразной дароносицей на груди.

И они, какъ говоритъ исторія, не только боялись его, но и преувеличивали въ эпоху взятія Ташкента его значеніе, считая его чуть-ли не организаторомъ всего движенія русскихъ въ Среднюю Азію.

Повторяемъ—все это совершалось покойнымъ отцомъ Андреемъ только изъ чувства пастырскаго долга. Если бы такіе подвиги были результатомъ односторонняго увлеченія боевыми лаврами и громомъ побѣдъ, то мы не видѣли бы подвиговъ другого рода,—подвиговъ, требующихъ громаднаго запаса энергіи и самоотверженія, но совершенно скромныхъ по внѣшней обстановкѣ. Укажемъ хотя-бы на его поѣздку, о которой скажемъ подробнѣе ниже, совершенную весной 1864 года изъ Чимкента въ Вѣрный. Поѣздка эта была совершена верхомъ съ однимъ казакомъ, на разстояніи 700 верстъ въ конецъ, по совершенно незамиренной еще степи, для того, чтобы привезти антиминсъ и тѣмъ дать возможность отряду встрѣтить похристіански свѣтлый праздникъ св. Пасхи. Одного этого примѣра кажется достаточно для пониманія духовнаго облика великаго радѣтеля о духовныхъ нуждахъ пасомаго имъ стада. Такой нравственно-уравновѣшенный человѣкъ, какимъ былъ о. Андрей, могъ съ одинаковымъ правомъ громко провозглашать на вершинѣ вражьяго вала: «Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покарайтесь, яко съ нами Богъ!» и тихо шептать отходную надъ умирающимъ воиномъ ¹⁾.

Что не жажда наградъ и почестей руководила дѣйствіями о. А. Малова видно и изъ того, что въ началѣ 80-хъ годовъ онъ скромно отклонилъ предложеніе принять монашество ради полученія Туркестанской епископской кафедрѣ. Отказъ свой онъ мотивировалъ тѣмъ, что *«не считаетъ себя достойнымъ принять столь высокій санъ и сопряженные съ нимъ столь тяжелыя обязанности»*. Комментаріи къ этимъ словамъ излишни, они были бы только ихъ профанацией.

9 января 1862 года о. А. Маловъ, вступивъ военнымъ священникомъ въ отрядъ ген.-л. Дебу, впервые сѣлъ на коня. Отрядъ состоялъ изъ 500 человѣкъ 4-го Оренб. лин. бат. и 300 казаковъ уральцевъ при 10 орудіяхъ.

«Помню,—передавалъ о. А. Маловъ ²⁾,—что тогда морозы были страшные, на перевалахъ бывало стаканъ съ чаемъ въ рукахъ такъ и прыгаетъ,

¹⁾ Изъ некролога о. прот. Малова, сост. о. прот. К. Богородицкимъ.

²⁾ Изъ брошюры Симоновой.

разставленные предметы къ землѣ примерзають». Отрядъ остановился саженьяхъ въ полутора отъ непріятельской позиціи; предъ нимъ предстала небольшая крѣпосца Динь-Курганъ, обнесенная толстою стѣной. Подъ непрекращающіеся пушечные выстрѣлы изъ крѣпости нашими была заложена батарея. Утромъ слѣдующаго дня началось бомбандированіе крѣпости. Не взирая на ранній часъ и морозъ, къ утру усилившійся, о. А. Маловъ не остался на перевязочномъ пунктѣ. Грохотъ пушекъ, выстрѣлы и свистъ ядеръ и пуль не испугали его. Отецъ А. Маловъ направился на первую линію между батареями. «Высоко поднявъ крестъ, о. Маловъ ходилъ по линіи предъ орудіями, благословлялъ солдатъ и ободрялъ ихъ.

Для каждаго находились у него слова надежды и вѣры; для каждаго поднятый крестъ служилъ символомъ побѣды, раненымъ давалъ бодрость духа, умирающимъ служилъ залогомъ вѣчнаго блаженства въ иной жизни. Часы летѣли, солнце поднялось высоко и обливало своими лучами бѣлую стѣну, толстыя стѣны крѣпости и кучку русскихъ людей, проникнутыхъ геройскимъ духомъ». «Пули свистятъ, говорилъ о. Маловъ, то справа, то слѣва, то надъ головой, то гдѣ то вдали, мороза не чувствуется, о пищѣ и отдыхѣ думать не время». «Ждали вылазки, но ея не было, только со стѣнъ бухали отвѣтные выстрѣлы. Дневной свѣтъ погасалъ, наступали сумерки; артиллерія наша продолжала свое дѣло, предвидя, что наступаетъ, конецъ, хотя осажденные держались стойко. Но вотъ затрещала стѣна, открылась брешь, ура! и солдаты кинулись на приступъ, имѣя впереди тотъ же спасительный крестъ, поднятый рукою священника. Крѣпость была взята штурмомъ. За отлично-усердную службу о. А. Маловъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени».

Въ походѣ подъ начальствомъ полковника Веревкина въ 1864 году нашимъ отрядомъ «трудомъ было положено несравненно болѣе чѣмъ въ первомъ. Отрядъ, не доходя еще до крѣпости «Туркестанъ», долженъ былъ выдержать нѣсколько битвъ съ кокандцами, намѣревавшимися то преградить путь къ крѣпости, то отрѣзать ихъ отъ базы (Перовска). И самая крѣпость представляла затрудненія; приходилось одновременно бомбандировать ее и биться съ непріятельскими войсками, дѣлавшими вылазки. Священникъ Маловъ былъ истиннымъ вдохновителемъ солдатъ, не оставлявшимъ ихъ въ самыя критическія минуты. 12-го іюня Туркестанъ былъ взятъ». О. А. Маловъ «за ободреніе солдатъ подъ огнемъ непріятеля при осадѣ Туркестана, а такъ же за труды его подъ тѣмъ же огнемъ на перевязоч-

номъ пунктѣ, Всемиловѣйше награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ мечами».

Въ 1865 году о. Маловъ былъ переведенъ въ отрядъ генерала Черняева священникомъ къ походному храму Св. Александра Невскаго при 4-мъ Туркестанск. лин. баталіонѣ, находившемся въ Чимкентѣ въ боевомъ положеніи. «Это было весною. Наступала Пасха, служить было нельзя за неимѣніемъ антимиаса, поэтому мнѣ пришлось съѣздить верхомъ въ городъ Вѣрный за антимиасомъ», такъ скромно говорилъ о. Андрей объ этомъ своемъ поступкѣ. Другіе-же рассказываютъ: «чтобы не оставить войска безъ пасхальной службы, неутомимый, безстрашный о. Маловъ съ двумя казаками слѣталъ за 700 верстъ за антимиасомъ и, не отдыхая, вернулся въ Чимкентъ, да еще по дорогѣ ночевалъ у какого-то степного разбойника, который для него барана зарѣзалъ и предложилъ ему братски помѣняться лошадьми». «Вернулся я, говорилъ о. Маловъ, и къ общей радости пасхальныя службы справилъ, и разговѣлись мы по христіански, а тутъ и раздался барабанный бой, мы вступали къ Нязбеку».

«Прежде чѣмъ рѣшиться идти прямо на Ташкентъ съ малочисленнымъ отрядомъ, генералъ Черняевъ положилъ занять крѣпость Нязбекъ, владѣвшую, какъ сообщили ему, водами Ташкента, чтобъ поставить сильный и многолюдный городъ въ зависимое положеніе отъ этой крѣпости. Нязбекъ находился въ 27 верстахъ отъ Ташкента, на берегу рѣки Чирчина. Онъ построенъ былъ на ровной мѣстности, въ видѣ четырехъугольника, съ трехъ сторонъ обведенъ ровомъ, четвертою примыкалъ къ рѣкѣ; стѣны, окружавшія крѣпость, были у основанія до пяти сажень толщиною; по угламъ крѣпости возвышались башни. Высокій валъ и ровъ дополняли внѣшній видъ укрѣпленія. Въ башняхъ, въ два ряда вдоль стѣнъ, были устроены бойницы. Дѣло здѣсь было жаркое. По словамъ лицъ, знающихъ въ подробности взятіе Нязбека, генералъ Черняевъ къ одной части крѣпости, казавшейся наиболѣе-слабою, послалъ охотниковъ. «Впереди ихъ по обыкновенію былъ о. Маловъ. Онъ ѣхалъ на бѣлой лошади, былъ въ свѣтлой одеждѣ и держалъ высоко крестъ, который такъ блестѣлъ на солнцѣ, что и съ своей стороны казался солнцемъ» (Записки полк. Сяркового). О. А. Маловъ первымъ спустился въ ровъ и первымъ взобрался на валъ. Но горсть храбрецовъ была встрѣчена градомъ пуль и камней. Часть ихъ попадала въ ровъ убитыми, часть скрылась. О. Маловъ остался одинъ и незамѣчалъ этого. Одинъ изъ охотниковъ, который побѣждалъ было, воротилъ

ся, чтобы спасти любимого священника. Нязбекъ былъ взятъ 28 апрѣля 1865 года. О. Маловъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ мечами».

Объ активномъ (въ своей сферѣ) участіи священ. о. А. Малова въ послѣдовавшихъ за тѣмъ рекогносцировкѣ, штурмахъ и взятіи г. Ташкента извѣстно изъ описанія этихъ событій (1865 г.).

«Изъ всѣхъ слѣдующихъ битвъ, свидѣтелемъ которыхъ и, такъ сказать, участникомъ былъ о. А. Маловъ, наибольшее впечатлѣніе въ душѣ его оставило сраженіе при Ирѣ-Джарѣ (2 мая 1866 г.). Генерала Черняева тогда уже не было; командованіе было передано генералу Романовскому. О. А. Маловъ объ этомъ сраженіи рассказываетъ такъ: «Представьте себѣ голую равнину, съ одной стороны обмываемую Сырѣ-Дарьей, а съ трехъ окруженною стѣною непріятельскихъ войскъ, а насъ русскихъ въ центрѣ этой равнины. Бухарцевъ было до 60,000, и они на всемъ протяженіи казались темною плотною массою, насъ же было не болѣе 5000. Мы—казались горстью людей, которыхъ повидимому ежеминутно могла сдавить или сдвинуть въ Сырѣ-Дарью дугообразная бухарская сила; ею командовалъ самъ эмиръ. Въ насъ направлено было 36 орудій, но бухарцы не соразмѣрили разстоянія, и выстрѣлы ихъ пролетали надъ отрядомъ, и падали на другомъ берегу рѣки. Это обстоятельство значительно поддерживало энергію солдатъ, вызывая остроты и шутливыя замѣчанія. Наша артиллерія дѣйствовала мѣтко; за ней стояла колонна полк. Абрамова, а вправо отъ нея былъ подполк. Пистолькорсъ со своею колонной. Не помню, сколько времени длилось такое положеніе, тутъ и минуты казались часами. Вдругъ непріятельская стѣна заколебалась: бухарцы задумали сжать насъ кольцомъ, какъ удавъ свою жертву. Роковая минута! А сзади насъ вдругъ ударили отбой!... Солдаты—опѣшили: отступать было некуда. Что тутъ дѣлать?! Меня словно осѣнило и я закричалъ: ошибка это братцы! ошибка барабанщика! какой отбой? «Ура», теперь надо! «Ур-ра»!—крикнулъ я изо всѣхъ силъ. «Урра»!—поддержали Абрамовъ и Пистолькорсъ: «ур-ра»!—грянуло по отряду и заглушило барабанный бой. Мы кинулись впередъ, прорвали непріятельскую линію и очутились въ его окопахъ. Бухарцы, не ожидавшіе такого афронта, смѣшались и растерялись. Тутъ ужъ и кавалерія наша и пѣхота дали себя знать. Беспорядочными толпами бѣжали бухарцы, бросивъ свой обозъ. А эмиръ первый задалъ «лататы». Чего—чего не было въ ихъ обозѣ? И чай былъ готовъ, и кальяны дымились, и жареная баранина, и

палау—было къ услугамъ побѣдителей. Голодные, усталые солдатики изъ когтей смерти вырвались прямо на пиръ». «За участіе въ генеральномъ сраженіи при урочищѣ Ирѣ-Джирѣ, данномъ бухарскими войсками подъ начальствомъ самого эмира и окончившемся полнымъ пораженіемъ непріятеля, священникъ Маловъ награжденъ камилавкою».

Интереснѣйшій случай въ военной жизни о. А. Малова былъ подъ Ходженгомъ 24 мая 1866 г., гдѣ на его рукахъ очутилась артиллерія (правда незначительная—всего при 4-хъ артиллеристахъ) и онъ долженъ былъ принять командованіе, чтобы не остановить ходъ дѣла. Ходжень, къ которому сходились дороги изъ Ташкента, Кокала, Бухары и друг. былъ сильно укрѣпленъ.

«Двойной рядъ стѣнъ съ большимъ количествомъ барбетовъ и башенъ дѣлалъ бомбардированіе и взятіе этого города весьма труднымъ, тѣмъ болѣе, что городская стѣна тянулась на 11 верстъ. Во время осадныхъ работъ русскія войска были обстрѣливаемы съ непріятельскихъ стѣнъ, рекогносцировочный отрядъ также былъ встрѣченъ огнемъ. Ходженцы хвалились тѣмъ, что Ходженьтъ еще никѣмъ ни разу не былъ взятъ силою, и были увѣрены, что слава города сохранится и послѣ битвы съ русскими. Бомбардированіе началось 21 мая и продолжалось 4 дня. Русская артиллерія дѣйствовала съ 4-хъ пунктовъ, главныя-же надежды возлагались на прирѣчную часть, расположенную на берегу р. Сыръ-Дарьи, противъ укрѣпленія, казавшагося сравнительно слабымъ. Орудія прирѣчной батареи были выдвинуты почти подъ самыя стѣны и обдавали городъ сильнымъ картечнымъ огнемъ. Тамъ неоднократно вспыхивалъ пожаръ; осажденные тушили его, лѣзли на стѣны и направляли огонь въ нашихъ артиллеристовъ. Здѣсь одинъ за другимъ были или убиты, или тяжело ранены всѣ командиры батареи, да и солдатъ-артиллеристовъ оставалось не болѣе 4-хъ».

«Мнѣ пришлось командовать, рассказывалъ о. А. Маловъ, «чтобы не остановить ходъ дѣла. Я эту часть зналъ хорошо. Слава Богу, имѣлъ возможность присмотрѣться и прислушаться. Намъ удалось пробить стѣну и черезъ брешь перетащить два орудія. Продолжая начатое дѣло, мы вступили въ городъ, бомбардировали цитадель и разрушили часть ея. На наши крики «ура» послышалось, какъ-бы отвѣтное, ура штурмующихъ, и они появились въ Ходженьтъ». У воротъ шла смертельная битва, бились между стѣнъ, бились внутри города. Ходженьтъ горѣлъ, всюду лилась кровь, слы-

шалась пальба, крики, стоны, падали люди и животныя. «Это былъ адъ» — говорятъ очевидцы. Къ вечеру городъ былъ въ нашихъ рукахъ. Убитыхъ коканцевъ было болѣе двухъ съ половиною тысячъ, нашихъ..., но развѣ побѣдители считаютъ жертвы? Нашихъ пало немного...»

«Итакъ непобѣдимый Ходжентъ былъ побѣжденъ. И это сдѣлали герои-солдаты, голодные, оборванные, почти нагіе...»

«Солдата нашего я любилъ и глубоко уважалъ, говорилъ о. А. Маловъ, я его близко зналъ, удивлялся тому самоотверженію, геройскому пылу, тому терпѣнію мученика, которые онъ въ себѣ выработалъ. Воля командира, слово его было закономъ для солдата не только во имя военной дисциплины, но и по внутреннему убѣжденію, потому что и командиры стояли на высотѣ своего призванія, были авторитетны въ военномъ дѣлѣ, когда нужно милостивы къ солдату, и внѣ битвы входили въ его нужды. Солдатъ сознавалъ важность своего назначенія; побѣда за побѣдой развили въ немъ самолюбіе, чувство собственнаго достоинства. Порою приходилось шадить его, быть къ нему снисходительнымъ, порою даже закрыть глаза передъ какимъ-нибудь его проступкомъ, вынужденнымъ обстоятельствами. На войнѣ чего не бываетъ, когда по мѣсяцамъ солдатикъ мяса не видитъ и нечѣмъ ему замѣнить рубашки, свалившейся съ плечъ. Нужно во всемъ разобраться, тонко войти въ положеніе и понять всѣ стороны дѣла. Повторяю, я любилъ нашего солдата, особенно за его многотерпѣніе, и былъ постояннымъ посредникомъ между нимъ и командирами, да и кому же было принимать на себя его защиту, какъ не мнѣ, его духовному пастырю?... «День спустя послѣ взятія Ходжента штабные собирались у генерала Романовскаго, а такъ какъ я былъ тогда священникомъ походнаго штаба, то отправился и я. Прихожу и вижу на площадкѣ, передъ домомъ, приготовлены плети, и тутъ-же мнѣ бросилась въ глаза группа солдатъ съ угрюмыми понурыми лицами. Сердце мое облилось кровью. Это были герои, тѣ самые, которыхъ я зналъ на полѣ битвы съ 1862 года. Это они насъ выручили при Ирѣ-Джарѣ, они же лѣзли и на стѣны Ходжента. Загорѣлые, нагіе солдатики были приодѣты, — я тотчасъ-же догадался, въ чемъ дѣло, и заспѣшилъ. Если-бы я имѣлъ время обдумать, я объяснился-бы съ генераломъ одинъ на одинъ, но я былъ внѣ себя и — не помню — въ какихъ выраженіяхъ высказалъ свое ходатайство, при всѣхъ собравшихся лицахъ. Генераль нахмурился и сказалъ: «Какъ? вы хотите, чтобы солдаты боронтовали въ покоренномъ городѣ? Вы, духовное лицо, поощряете такое дѣло?» — «Я ничего не хочу, и ничего не по-

ошряю, ваше превосходительство,—я прошу пощады, въ виду прежнихъ постоянныхъ заслугъ этихъ солдатъ». — «Пощады не будетъ!» рѣзко отвѣтилъ генералъ. «Въ такомъ случаѣ позвольте вапомнить вамъ, что здѣсь только недоразумѣніе. Передъ взятіемъ города, вы, ободряя солдатъ, изволили выразиться: «Ребята, берите Ходжентъ и на два дня онъ вашъ!» — «Да, но разрѣшеніе на это имъ не было объявлено». — «Имъ не было объявлено и запрещеніе, а слову своего командира они привыкли вѣрить. Я понимаю, ваше превосходительство, что чувство законности въ васъ взяло перевѣсъ надъ мыслию, что вырвалась въ критическія минуты. Прикажете же объявить запрещеніе, а этимъ провинившимся явите свое милостивое прощеніе». Генералъ отмѣнилъ наказаніе, но я почувствовалъ, что я въ опалѣ, и ушелъ. Дня черезъ два мы, штабные, собрались снова у генерала. Я, какъ опальный, всталъ сзади всѣхъ. Онъ однако-же тотчасъ замѣтилъ меня, подошелъ, протянулъ руку и сказалъ: «я сознаю, что былъ неправъ и погорячился, извините меня, батюшка». Но сказавъ это, генералъ въ душѣ не примирился со мною и собственноручно вычеркнулъ меня изъ списка лицъ, заслуживающихъ награду за взятіе Ходжента. Да, Богъ съ ней, съ наградой! Она меня не интересовала», — заключилъ о. Андрей свой рассказъ объ опалѣ, «время военное, онъ могъ-бы просто велѣть разстрѣлять меня!»

Что касается до солдатъ, то они крѣпко любили его — своего заступника и духовнаго вожда. Онъ былъ великъ своею нравственною силой и имѣлъ громадное вліяніе на войска, засвидѣтельствованное въ Высочайшемъ рескриптѣ. «Проходя въ теченіе многихъ лѣтъ служеніе въ Туркестанскомъ краѣ, говорится въ рескриптѣ 1878 г., вы пріобрѣли любовь и уваженіе расположенныхъ тамъ войскъ, привыкшихъ видѣть среди себя въ походахъ боевой и походной жизни своего духовнаго пастыря, всегда воодушевляющаго ихъ какъ словомъ наставленія и одобренія, такъ и приимѣньемъ личной доблести». Рассказываютъ, что солдаты до того увѣровали въ о. Малова, что считали побѣду обезпеченною, если среди нихъ былъ о. А. Маловъ. «Идемъ, братцы, побѣда наша, батюшка Маловъ съ нами», говорили они. Они не могли не полюбить того, кто безбоязненно подъ пулями принималъ ихъ послѣдніе вздохи, кто сроднился, сблизился съ ними за долгіе походы, они не могли не уважать того, кто не будучи къ тому обязанъ ничѣмъ, кромѣ искренней любви къ Богу, родинѣ и солдату, подъ Нязбекомъ первымъ поднимается на стѣну вражьей крѣпости,

при взятіи Ташкента однимъ изъ первыхъ входитъ почти на вѣрную смерть въ случайно найденную «лазейку» въ стѣнѣ у Камел. воротъ и т. п. Между священникомъ и солдатомъ была крѣпкая взаимная любовь, взаимное довѣріе и уваженіе.

Кончился длинный рядъ походовъ— и о. Андрей возвратился къ обыденной роли служителя церкви. По возвращеніи въ Ташкентъ назначается настоятелемъ отстроенной при немъ Іосифо-Георгіевской церкви и благочиннымъ церковью завоеваннаго края, съ правомъ разрѣшать безъ епископскаго благословенія постройку церквей и освящать ихъ, а также разрѣшать браки не достигшихъ узаконеннаго возраста. И тутъ вполне сказалась въ немъ вѣчная жажда «дѣла ради дѣла»: не покладая рукъ, работалъ онъ надъ устройствомъ своего обширнаго по пространству, но бѣднаго, по средствамъ, благочинія, надъ устройствомъ памятника павшимъ при взятіи Ташкента воинамъ и затѣмъ положилъ много труда, собирая со всѣхъ концовъ Руси пожертвованія на построеніе соборнаго храма въ Ташкентѣ. Въ 1840 году онъ ѣздилъ въ Петербургъ и Москву за сборомъ пожертвованій на этотъ храмъ. «Главными моими жертвователями», говорилъ о. Андрей, были: Государь Императоръ и Августѣйшее семейство. Я привезъ въ Ташкентъ 25,000 рублей, которые и послужили основаніемъ въ дѣлѣ постройки собора».

Въ 1869 году о. Андрей былъ возведенъ въ санъ протоіерея и за отличіе на поприщѣ мирной пастырской дѣятельности сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 3-й степени.

Въ 1871 году, когда рѣшено было образовать новую епархію, съ назначеніемъ епископа, благодаря выдающимся заслугамъ о. прот. Малова и всеобщему къ нему уваженію, (выборъ¹⁾ Св. Синода остановился на немъ. Вдовецъ, живетъ и такъ полумонахомъ», передаетъ М. Т. въ своихъ воспоминаніяхъ, «старикъ 56 лѣтъ—чего-же лучше? Тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Толстой написалъ въ этомъ смыслѣ письмо К. П. Кауфману. Константинъ Петровичъ былъ человѣкъ сердечный и потому сочувственно отнесся къ этому предложенію. Пригласилъ онъ къ себѣ о. Малова и далъ прочесть письмо оберъ-прокурора, совѣтуя не отказываться отъ такой высокой чести. О. Маловъ былъ сильно тронутъ, но не долго раздумывалъ и категорически отказался. Тщетно уговаривалъ его К. П. Кауфманъ». «Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, какой я архіерей,—возражалъ о. Андрей—учился на мѣдныя деньги... дара краснорѣчія не имѣю». «Къ тому же въ

¹⁾ Изъ № 28 Турк. Вѣд. 1899 г.

моемъ сердцѣ слишкомъ большое мѣсто занимаетъ семья: дочь и внучата, военная среда: чувствую, что не могу отдѣлиться отъ нихъ», «какой я архіерей!».

«Константинъ Петровичъ передавалъ эти слова почтеннаго благочиннаго многимъ; онъ выставлялъ ихъ, какъ образецъ смиренія заслуженнаго и знаменитаго священника, на мѣстѣ котораго мало кто отказался бы отъ такой почести».

Въ 1873 году о. Андрей совершилъ съ русскими войсками, во главѣ съ Б. П. Кауфманомъ, походъ въ Хиву. Всѣмъ извѣстенъ этотъ труднѣйшій походъ, сыпучими раскаленными песками, подъ нестерпимымъ солнечнымъ зноемъ. Отрядъ испытывалъ страшныя лишенія: голодъ, жажду. Утомленные, обезсиленные борьбой съ природой, солдаты оживали при видѣ колодца; но тамъ находили или высохшее дно, или дохлаго верблюда.

Животныя не выносили ужасныхъ лишеній и гибли отъ жажды. Солдатамъ, по возобновленіи запасовъ изъ случайно находимыхъ источниковъ, вода раздавалась порціями, той же участи подвергался не только штабъ, но и самъ генералъ фонъ Кауфманъ. «Бывало, скажетъ Константинъ Петровичъ, вспоминалъ о. Маловъ, приходите ко мнѣ чайку напиться, да только со своею водой; вотъ мы и являемся каждый со своею порціей, и изъ общихъ паевъ составляется чаепитіе».

Въ этомъ походѣ о. А. Маловъ участвовалъ въ перестрѣлкахъ нашихъ войскъ съ непріателемъ, рекогносцировкахъ, въ разсѣяніи непріятельскаго скопища въ 3500 человекъ, въ артиллерійскомъ бою 17-го мая на Шейхъ-Арыкѣ и при взятіи Хивы 29-го мая; а затѣмъ сопровождалъ въ Ташкентъ больныхъ и раненыхъ. За отличіе въ дѣлахъ при покореніи Хивы о. Андрей былъ Все милостивѣйше награжденъ изъ Кабинета Его Величества митрою, украшенною большими изумрудами, рубинами и др. драгоценными камнями, и серебряною медалью на георгіевско-владимірской лентѣ.

Изъ Хивы о. Андреемъ привезена была тысяча аршинъ бархата, который онъ распредѣлил между церквами края.

Въ 1876 году о. А. Маловъ участвовалъ въ Алайской экспедиціи подъ командой Мих. Д. Скобелева, цѣлю которой было усмиреніе бѣжавшихъ въ горы непримиримыхъ фанатиковъ, безпокоившихъ наши отряды и возмущавшихъ мирныхъ жителей. Непритель былъ частью разбитъ и бѣжалъ, частью уничтоженъ. Эта экспедиція была послѣднимъ завоевательнымъ движеніемъ нашихъ войскъ въ Средней Азіи, а вмѣстѣ и послѣднимъ походомъ и о. Андрея. «Съ этого похода, говорилъ о. Маловъ, у меня стали

болѣть ноги: я получилъ ревматизмъ. Весь походъ пришлось сдѣлать пѣшкомъ, такъ какъ лошади не могли карабкаться по алайскимъ крутизнамъ и проходить по скользкимъ ледянымъ откосамъ и по глинянымъ размытымъ водою тропинкамъ; не могли онѣ спускаться почти съ отвѣсныхъ стѣнъ, цѣпляясь за камни и корни; скользили и обрывались въ пропасти».

Въ 1878 году о. Андрей награжденъ былъ бронзовою медалью на георгиевско-владимірской лентѣ за покореніе Коканскаго ханства и орденомъ св. Анны 1-й степени при Высочайшемъ рескриптѣ слѣдующаго содержанія: (первая половина его помѣщена выше). «Въ воздаяніе отличныхъ заслугъ вашихъ и пріемля въ особенное Монаршее вниманіе засвидѣтельствованную военнымъ начальствомъ примѣрную пастырскую дѣятельность вашу во время трудной алайской экспедиціи минувшаго года, Всемилостивѣйше сопричисляемъ васъ къ Императорскому ордену нашему св. Анны 1-й степени, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны».

Въ 1878 году о. Андрей назначается на вновь открытую должность священника при штабѣ Туркестанскаго военнаго округа, а въ 1880 году за отличія на поприщѣ пастырской дѣятельности въ мирное время награжденъ Св. Синодомъ палицею. Мѣстнымъ духовенствомъ былъ избранъ духовникомъ.

Всегда ровный въ обращеніи, пріятливый, готовый идти на встрѣчу всѣмъ религіознымъ нуждамъ прихожанъ и богатыхъ и бѣдныхъ, о. Андрей заслужилъ общую любовь и уваженіе. Его девизомъ было—всѣхъ удовлетворить и умиротворить. Такъ онъ понималъ свое призваніе — служителя религіи мира и любви.

Въ назиданіе своихъ прихожанъ о. Андрей не любилъ произносить высокоумныхъ «словъ», составленныхъ по всѣмъ правиламъ гомилетики, а обыкновенно «говорилъ краткія рѣчи, которыя, хотя не блистали красотой и ученостію, но были полны чувства и силы». Приведемъ одну изъ его рѣчей, сказанную имъ при отпѣваніи генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана въ 1882 году.

«Насталъ часъ растаться съ тобою, нашъ добрый и глубокочтимый начальникъ, нашъ любимый Константинъ Петровичъ!

Грустно, но неминуемо!

Константинъ Петровичъ! Будучи 14 лѣтъ главнымъ начальникомъ здѣсь, на далекой окраинѣ, ты зналъ почти каждого изъ насъ, своихъ подчинен-

ныхъ, зналъ и наши достоинства, зналъ и наши немощи; по достоинствамъ нашимъ и заслугамъ ты мощно ходатайствовалъ предъ Монархомъ объ отличіи насъ, объ улучшеніи быта нашего; о немощахъ же нашихъ ты силился, превозмогалъ себя, чтобы отечески, необидчиво дать намъ понять, но называлъ рѣдко, и если наказывалъ, то соединялъ, насколько возможно, требованія строгой законности съ чувствами нравственной правоты. Ты видѣлъ въ каждомъ изъ своихъ подчиненныхъ прежде всего человѣка, и требовалъ честности и порядочности, коими самъ обладалъ въ высшей степени; ты имѣлъ истинное желаніе поднять человѣка, возвысить его въ своихъ глазахъ, привить къ нему, или облагородить то, что должно быть присуще его природѣ».

Упомянувъ о вниманіи почившаго къ нему, проповѣднику, и къ разнымъ лицамъ всѣхъ званій и состояній, и къ дѣтямъ ихъ, о. Андрей отъ души и просто говорилъ. «И благодаримъ же мы тебя добрый, хорошій начальникъ нашъ, Константинъ Петровичъ! И память о твоей плодотворной дѣятельности всегда будетъ дорога и любезна въ роды родовъ. Что мы тебя глубоко уважали и любили, ты это зналъ, и ты избралъ себѣ эту далекую окраину могилую; вѣрь же, что наши чувства къ тебѣ не умрутъ, а перейдутъ въ будущія поколѣнія, а твои заслуги гражданскія и военныя въ теченіе почти полувѣка передъ престоломъ, церковію и отечествомъ оцѣнить и увѣковѣчить исторія нашего отечества»¹⁾).

Въ 1883 году Ташкентское общество выразило о. Андрею свое уваженіе и общую любовь поднесеніемъ ему наперснаго креста, украшеннаго драгоценными камнями.

Въ 1889 году въ пятидесятилѣтній юбилей пастырской службы о. Андрею объявлено было Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе во вниманіе къ отлично-усердной полувѣковой службы.

Ему принесены были поздравленія: генераль-губернаторомъ, гражданскими начальниками, депутатами отъ всѣхъ частей войскъ Ташкентскаго гарнизона съ ихъ начальниками во главѣ, различными учрежденіями, духовенствомъ, бывшими сослуживцами, частными лицами, знакомыми и друзьями и почитателями, а также поднесены дорогая икона св. Андрея Стратилата, фотографическая карточка отъ духовенства и адреса; окружной штабъ, кромѣ того, чествовалъ юбиляра обѣдомъ въ военномъ собраніи.

Не можемъ не привести здѣсь: а) трогательной телеграммы 4-го Турк.

¹⁾ К. П. фонъ-Баушманъ, Н. П. Остроумова.

б-на изъ г. Оша и б) краснорѣчивой прочувствованной рѣчи о. прот. В. Покровскаго.

а) Сегодня исполнилось 50 лѣтъ честнаго служенія вашего высокопреподобія церкви, Государю, и скоро исполнится 25-лѣтъ самоотверженной дѣятельности вашей на пользу доблестнаго русскаго воинства. Мы гордимся днемъ 22-го іюня 1865 года, когда ваше славное подвигами имя было зачислено въ списки 2-го баталіона. Мы гордимся, что подъ вашимъ благословеніемъ, руководимые знаменіемъ креста въ вашихъ рукахъ, совершены въ ср. Азіи горстью русскихъ знаменитыя дѣла покоренія Ташкента, Хивы, Коканда и др. Всѣмъ баталіономъ молимъ Бога, да пошлетъ Онъ вамъ здоровье и душевный покой на многіе годы. Вѣрьте, отецъ нашъ, что ваше благословеніе насъ крестомъ ¹⁾ и евангеліемъ будетъ вѣрнымъ залогомъ чести баталіона и навсегда сохранится исторіей, въ назиданіе будущихъ бойцовъ... (Турк. Вѣд. 1889 г. № 10).

б) Возлюбленный о Христѣ, духовный отецъ нашъ, Андрей Евграфовичъ, говорилъ, обратясь къ юбиляру прот. В. Г. Покровскій. Ваше имя — блестящая звѣзда на историческомъ небосклонѣ Туркестанскаго края. Оно тѣсно связано съ именами всѣхъ доблестныхъ героевъ-завоевателей этого края и слѣдовательно всецѣло принадлежитъ исторіи...

Мы — духовныя дѣти ваши не можемъ и представить себѣ той массы трудностей и лишеній, съ которыми была сопряжена походная жизнь нашихъ отрядовъ, и того высокаго наслажденія, тѣхъ восторговъ, которые выпадаютъ на долю побѣдителей.

Въ виду всего этого намъ остается благоговѣть передъ вами, какъ историческою личностью, и дорожить именемъ вашимъ наравнѣ съ именами тѣхъ, которые постепенно водрузили побѣдное знамя во многихъ пунктахъ средней Азіи. Военное общество сочувственно почтило Васъ своимъ празднествомъ...; мы, собратья и духовныя дѣти ваши, поднесеніемъ общей нашей карточки единодушно высказали наши глубокія сыновнія чувства къ вамъ, какъ къ духовному отцу нашему. Ташкентское городское общество чествовало васъ, по русскому обычаю, поднесеніемъ вамъ иконы и, наконецъ вся читающая русская публика вмѣстѣ съ нами, благоговѣйно произноситъ имя ваше, занесенное вмѣстѣ съ вашей фотографическ. карточкой на почтенныя страницы «Русскаго Паломника»... (№ 11 Турк. Вѣд. 1889 г.).

¹⁾ Крестъ и евангеліе, съ которыми о. Андрей совершалъ походы, были имъ отосланы въ баталіонъ, гдѣ и хранятся какъ историч. завѣтная святыня. (Синевъ).

Въ 1892 году, вслѣдствіе недомоганія, о. Андрей, согласно прошенію, уволенъ за штатъ, при чемъ Св. Синодъ преподаль ему грамотою благословеніе во вниманіе къ его долговременной отлично-усердной службѣ и особымъ трудамъ по сооруженію въ Ташкентѣ соборнаго храма. О. Андрею назначена была пенсія въ 900 р. за службу и 300 р. на орденъ св. Анны I степени, на каковыя средства онъ и доживалъ свой вѣкъ¹⁾.

Съ сего времени жизнь о. Андрея стала особенно замѣтно угасать. Трудные походы, тяжелыя лишенія боевой и походной жизни, и та многотрудная и сложная работа, которая выпала на долю первыхъ русскихъ пионеровъ въ ср. Азіи, не могли не отразиться серьезнымъ образомъ на его здоровьи.

Появился вдругъ общій упадокъ силъ, ноги совсѣмъ отказывались служить, слухъ ослабѣлъ, — сознаніе притупилось; «последніе годы сознавалъ очень плохо и плохо помнилъ» (Лѣтопись Ташк. воен. собора).

Трудно было старцу нести бремя жизни. О. Андрей жилъ уже прошлымъ; въ его душѣ всплывали воспоминанія походной жизни: картины битвъ, штурмовъ. «Ночью его нерѣдко посѣщали сны и видѣнія; онъ вскакивалъ тогда съ постели съ криками: «впередь, братцы, ура!» и на успокоительные доводы домашнихъ отвѣчалъ: «ахъ, Боже мой, мнѣ показалась, что цѣлая масса непріятели напираетъ на насъ». Батюшка творилъ молитву, снова ложился въ постель, все стихало, а черезъ нѣкоторое время видѣлъ новый сонъ и опять воодушевлялъ своихъ, и ронялъ стоящіе близъ кровати предметы, и снова успокоенный родными засыпалъ. По утру домашніе (внуки, правнуки) передавали другъ другу: «а сегодня ночью дѣдушка опять воевалъ».

26-го февраля 1899 года отцу Андрею исполнилось 60-лѣтіе священства. Празднованіе этого событія носило скромный церковный характеръ. Въ 11 ч. утра колокольный благовѣстъ созвалъ въ Спасо-Преображенскій соборъ всѣхъ желавшихъ почтить о. протоіерея. Въ соборъ прибыли: и. д. командующаго войсками ген.-л. Н. А. Ивановъ, воен. губернаторъ, представители военного и гражданскаго вѣдомствъ, городской голова съ членами управы и горожане. Послѣ молебна совершеннаго духовенствомъ соборнѣ и провозглашенія установленныхъ многолѣтій и маститому юбиляру, всѣ присутствующіе принесли поздравленіе сначала въ соборѣ, а

¹⁾ О. А. Малова считали большимъ богачемъ, говорятъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. П. Сивневъ, а для похоронъ его былъ сдѣланъ заемъ.

потомъ въ домѣ юбиляра. Во время поздравленія о. настоятель собора прот. К. Богородицкій привѣтствовалъ о. Андрея слѣдующею рѣчью.

«Ваше высокопреподобіе, достопочтеннѣйшій маститый о. протоіерей Андрей Евграфовичъ! Привѣтствую васъ, въ присутствіи г-на и. д. Главнаго Начальника края и столь многочисленнаго сонма вашихъ искреннихъ почитателей съ исполненнымъ шестидесятилѣтіемъ пребыванія въ священномъ санѣ. Почитаю за великое счастье засвидѣтельствовать вамъ въ сей знаменательный день, какъ вашъ преемникъ по службѣ въ соборѣ, отъ лица здѣсь присутствующихъ собратій моихъ, искреннюю благодарность за всѣ ваши труды, которыми вы обезсмертили ваше имя въ исторіи Туркестанскаго края. Вы первый изъ пастырей пришли въ этотъ край и первый внесли свѣтъ Христова ученія въ эту темную и иновѣрную страну; подъ вашимъ руководствомъ строились первые православные храмы въ Ташкентѣ до великолѣпнаго собора включительно, на вашихъ глазахъ, при вашемъ участіи, полагались первыя сѣмена русской гражданственности, русской культуры, русскаго благоустройства на нашей далекой окраинѣ—сѣмена, уже приносящія теперь обильный плодъ. Примите, глубокочтимый о. протоіерей, мой сердечный привѣтъ и душевныя пожеланія вамъ здравія насколько таковое возможно въ вашемъ уже преклонномъ, перешедшемъ за второй псаломскій предѣлъ, возрастѣ, и облегченія вашихъ старческихъ немощей». Турк. Вѣд. 1899 г.

О. Андрей Маловъ, подъ бременемъ своихъ 84 лѣтъ, изъ коихъ половина проведена въ походахъ, не могъ уже держаться на своихъ старческихъ простуженныхъ ногахъ и сидѣлъ все время въ креслѣ, украшенный рѣдкими для священника наградами—орденомъ св. Анны 1-й ст. и наперснымъ крестомъ изъ кабинета Государя Императора на Георгіевской лентѣ.

Умилительное зрѣлище для присутствующихъ представляла эта глубокая старость и столь почтенная служба духовнаго отца славныхъ Туркестанскихъ войскъ, покорившихъ Россійскому скипетру среднеазиатскія ханства.

Но всѣ уже чувствовали и видѣли, что дни юбиляра сочтены, что онъ кончаетъ расчеты съ здѣшной жизнью.

Какъ свѣтильникъ, изъ котораго выгорѣлъ весь елей, постепенно замираетъ и угасаетъ, такъ тихо, безболѣзненно угасла нѣкогда ярко свѣтившая жизнь о. протоіерея.

Послѣдней наградой въ этой жизни была для старца истинно-христіан-

ская кончина его, послѣ св. твинствъ-причащенія и елеосвященія, — «чѣмъ могила крѣпка». (1899 г. 3 апрѣля).

Духъ его, почивъ отъ дѣлъ земныхъ, возвратился къ Богу, *иже и даде его*; бездыханное же тѣло его нашло приютъ въ томъ самомъ св. храмѣ, на созиданіе котораго такъ много положилъ труда покойный протоіерей. Эта уже послѣдняя честь (погребеніе въ храмъ Божию), и кажется, величайшая на землѣ, какая воздается въ семъ мірѣ и была воздана о. Андрею, какъ достойное — достойному, да сохранится память о немъ.

Въ соборѣ у стѣны на право покоится прахъ К. П. Кауфмана съ золотою надписью на мраморной доскѣ: «Генераль-адъютантъ, инженеръ-генераль, Конст. Петр. фонъ Кауфманъ 1-й. Кавалеръ св. Георгія 2-й ст., св. Владиміра 1-й ст., св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, св. Анны 1-й ст., св. Станислава 1-й ст. и др. Россійскихъ и иностранныхъ орденовъ. Первый Туркестанскій генераль губернаторъ и командующій войсками Турк. воен. округа. 1867—1882 г. Покоритель Самарканда 1868 г., Хивинскаго ханства 1873 г. и Кокандскаго ханства 1875 г. Устроитель Туркестанскаго края».

У стѣны на лѣво — другая славная могила съ кромной надписью на могильной плитѣ: «Протоіерей Андрей Евграфовичъ Маловъ 1815—1899 г.».

При входѣ въ первый разъ въ соборъ всякій русскій человекъ, преклонится предъ прахомъ этихъ могилъ и, благоговѣйно осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, тихо, изъ глубины души произнесетъ: «болярину Константину и протоіерею Андрею вѣчная память».

Погребеніе о. А. Малова отличалось необыкновенной торжественностью. Къ часу выноса къ дому покойнаго народъ непрерывной лавой стекался со всѣхъ сторонъ, а отъ дому до собора стояли шпалерами войска Ташкентскаго гарнизона, безъ оружія, съ хорами музыки; такимъ образомъ войскамъ предоставлена была возможность проститься съ высокочтимымъ ими о. Андреемъ. Когда гробъ съ прахомъ почившаго, въ предшествіи хоругвей и духовенства, несшаго на подушкахъ ордена и медали о. Андрея и пожалованный ему г. Ташкентомъ образъ св. муч. Андрея Стратилата¹⁾ былъ вынесенъ изъ квартиры Главнымъ начальникомъ края и округа и другими боевыми товарищами покойнаго, раздалось торжественное «Коль славенъ» и печальная процессія открыла шествіе. Гробъ, пере-

¹⁾ Этотъ образъ согласно волѣ почившаго поставленъ въ соборъ въ орѣховомъ кіотѣ надъ могилой о. Андрея.

ходя изъ руки въ руки, былъ все время несомъ до самаго собора. По мѣрѣ прохожденія процессіи, воинскія части отводились домой, а слѣдующія за ними прощались съ о. Андреемъ при звукахъ гимна. У гимназій процессію встрѣтило духовенство учебныхъ заведеній, имѣя впереди себя хоругви, и воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній. Соборная улица едва могла вмѣстить всѣхъ провожавшихъ о. Андрея.—Эта трогательная картина торжественнаго перенесенія праха почившаго въ построенный его усердіемъ и радвніемъ благолѣпный соборъ невольно наводила на мысль о томъ — какъ тѣсно связана исторія торжества русскаго дѣла въ Сред. Азійи съ именемъ о. Малова: шпалеры бравыхъ войскъ и торжественные звуки гимна «Коль славень» указывали на то, что русскій солдатъ прощается съ военнымъ священникомъ, безстрашно водившимъ его съ крестомъ въ рукахъ на встрѣчу побѣдѣ или славной смерти; ряды воспитанниковъ и воспитанницъ учебныхъ заведеній съ ихъ наставниками во главѣ напоминали о далекомъ прошломъ, — о томъ времени, когда тотъ же о. Маловъ былъ однимъ изъ первыхъ насадителей русской грамоты въ киргизской степи — въ скромной школѣ г. Перовска; наконецъ несмѣтная толпа народа, пришедшая сказать послѣднее «прости» усопшему, краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствовала о томъ, что имя о. Андрея близко и дорого всякому русскому, безъ различія званія, пола и возраста.

По внесеніи гроба въ соборъ, освѣщенный по праздничному, по сторонамъ были положены на подушкахъ ордена и наперсные кресты усопшаго, а на самый гробъ было возложено множество вѣнковъ: отъ Турк. генераль-губернатора С. М. Духовскаго съ надписью: «первому насадителю православія въ Туркестанѣ о. прот. Малову», отъ ген.-лейт. Н. А. Иванова, отъ Ташк. духовенства, отъ войскъ Турк. воен. округа — «доблестному сподвижнику о. прот. А. Малову», отъ г. Ташкента — «доблестному первому молитвеннику своему о. А. Малову» и др. По окончаніи литургіи было совершено отпѣваніе, передъ началомъ котораго настоятель собора о. прот. К. Богородицкимъ было произнесено слѣдующее слово:

Блаженн мертвѣи, умирающе о Господь: Ей, глаголетъ Духъ, да почиють отъ трудовъ своихъ (Апок. 14, 13).

«Передъ нами, благочестивые слушатели, гробъ съ дорогими останками не только намъ, предстоящимъ здѣсь, а и многимъ туркестанцамъ, уже отошедшимъ въ вѣчность, хорошо извѣстнаго и достославнаго о. протоіерея

Андрея Евграфовича Малова. Почившій съ 1862 года постепенно сопутствовалъ славному русскому отряду въ его побѣдопосномъ шествіи отъ Оренбурга до Ташкента, въ продолженіе котораго онъ не только раздѣлялъ съ христіанскою братскою любовію всѣ трудности походной жизни, но своимъ пастырскимъ словомъ и молитвой ободрялъ ихъ и не оставлялъ ихъ во время самыхъ битвъ съ непріятелями. Туркестанъ, Чимкентъ и, наконецъ, Ташкентъ,— всѣ эти города были взяты стойкой грудью русскихъ воиновъ, одушевляемыхъ вѣрою и поддерживаемыхъ личнымъ присутствіемъ ихъ духовнаго отца. Затѣмъ, по образованіи прочнаго центра русской власти въ Ташкентѣ, почившій нашъ собратъ раздѣлялъ еще большія трудности походовъ тѣхъ же войскъ въ Хиву, въ Кокандъ и на Алай. Смѣнялись военачальники, выбывали на родину русскіе воины, оставляли край мирные граждане и чины администраціи, а б. Андрей пребывалъ неизмѣнно въ этомъ новомъ краѣ до самой своей кончины. Писистинѣ замѣчательно не только долготѣіе, какого Госнодь сподобилъ его, но и не менѣе изумительно постоянство избраннаго имъ служенія Богу въ священномъ санѣ. И болѣе всего, конечно, память о немъ должна сохраниться въ семъ градѣ Ташкентѣ, въ который онъ прибылъ съ первыми войсками и въ которомъ проводилъ свободные отъ походовъ годы. И по окончаніи своего служенія Церкви Божіей и войскамъ туркестанскимъ, маститый старецъ не возвратился на родину, а доживалъ свои старческіе годы въ любимомъ имъ Ташкентѣ. И такъ предъ нами, какъ освѣщенная лѣтнимъ солнцемъ, плодоносная нива на скатѣ горы, разстилается 37-и лѣтнее жизненное поприще почившаго старца, полное трудовъ, мирной жизни и подвиговъ военнаго времени. Рѣдко на долю человѣка ниспосылается такое благословеніе Божіе, споспѣшествующее ему непрерывно и неизмѣнно ко благу Церкви и Отечества. И не забытъ былъ милостями и вниманіемъ военачальниковъ почившій: много трудовъ понесъ онъ вмѣстѣ съ туркестанскими войсками и отличенъ былъ выдающимися наградами, такъ что на немъ съ очевидностію исполнилось изреченіе вѣрующаго и преданнаго своему Государю русскаго народа: «за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ». Вспоминая военныя и пастырскія заслуги почившаго, мы должны указать и на труды его по народному образованію, которому онъ посвящалъ свободное отъ другихъ служебныхъ обязанностей время, начиная съ первыхъ лѣтъ своего священства; въ бытность священникомъ при Мензелинскомъ соборѣ почившій былъ учителемъ въ приходскомъ училищѣ и законучителемъ въ уѣздномъ; въ Перовскѣ онъ преподавалъ законъ

Божій въ фейерверкерской школѣ и первый открылъ приходское училище, въ которомъ велъ преподаваніе по всеѣмъ предметамъ. Наконецъ, среди молящихся многіе съ малыхъ лѣтъ имѣли его своимъ духовнымъ отцомъ. На глазахъ почившаго и съ его молитвами и благословеніемъ выросли цѣлыя поколѣнія мирныхъ обывателей Ташкента; ему обязанъ возникновеніемъ первый храмъ Ташкента—церковь преподобныхъ отецъ Іосифа и Георгія, накануне дня памяти которыхъ онъ и скончался; и сей величественный храмъ при немъ былъ воздвигнутъ и въ немъ онъ многократно возносилъ свои молитвы къ Отцу Небесному. И вотъ Господь Милосердый воздалъ почившему по его заслугамъ: удостоенный глубокой старости, отличенный высокими Монаршими милостями, сподобившійся мирной христіанской кончины, первый пастырь туркестанскихъ войскъ и гражданъ Ташкента упокоится въ семъ храмѣ Божіемъ. *Блажени умирающіе о Господѣ.*

«Прости мнѣ недостойному твоему преемнику, и прими мое христіанское молитвенное благожеланіе тебѣ вѣчной памяти и царства небснаго. Прими отъ всеѣхъ провожающихъ тебя въ вѣчную жизнь тоже христіанское благожеланіе, да воздастъ тебѣ Господь за самоотверженные и доблестные труды твоей жизни Своими неизреченными щедротами въ вѣчномъ Царствѣ своей любви. ¹⁾ Аминь.

Содержаніе. Объ откр. подписки на буд. 1902-й г. на Вѣстникъ В. Дух-ва.—Распоряженія О. Протопресвитера.—Слово въ день препод. Сергія Радонежскаго чудотворца.—36-я годовщина взятія Ташкента (оконч.).

Редакторъ, Свящ. **Іоаннъ Таранецъ.**

¹⁾ Турк. Вѣд. (№ 1743-й съ основ. Вѣд.).

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, Октября 23 дня 1901 года.

Цензоръ Ахримандритъ *Антонинъ.*